

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: современные тенденции и проблемы противодействия

*Материалы международных научно-практической конференций
(24 марта 2023 г. и 12 марта 2024 г.)*

Омск 2024

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

*Материалы международных научно-практических конференций
(24 марта 2023 г. и 12 марта 2024 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2024

УДК 347(08)

ББК 67я23

П73

Редакционная коллегия:

В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор; *О. И. Бекетов* — доктор юридических наук, профессор; *А. К. Бекряшев* — кандидат экономических наук, доцент (*заместитель председателя*); *Н. А. Дубинина* (*ответственный секретарь*); *А. В. Петров* — кандидат философских наук, доцент; *О. Ю. Филиппов* — кандидат юридических наук, доцент (*председатель*)

Преступность в сфере экономики: современные тенденции
П73 и проблемы противодействия : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (24 марта 2023 г. и 12 марта 2024 г.) / пред. редкол. О. Ю. Филиппов. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 1 CD-ROM. — Систем. требования: ПК с процессором Intel с частотой не менее 2 ГГц ; 2 Гб оперативной памяти ; дисковод CD-ROM ; операционная система Windows 7 и выше ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с титул. экрана. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-88651-861-0

В сборнике представлены материалы докладов, посвященные анализу опыта и перспектив использования в исследовании экономической преступности институционального подхода. Рассматриваются состояние и тенденции изменения киберпреступности экономической направленности, особенности мошенничества с использованием искусственного интеллекта и социальной инженерии, экономико-криминологические вопросы импортозамещения, иммиграции, освоения бюджетных средств, банкротства, развития платформенного бизнеса, уголовные и уголовно-процессуальные проблемы противодействия экономической преступности в различных сферах экономики.

Предназначен для научно-педагогического состава, адъюнктов образовательных организаций МВД России.

УДК 347(08)

ББК 67я23

ISBN 978-5-88651-861-0

© Омская академия МВД России, 2024

РАЗДЕЛ I. ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. 24 МАРТА 2023 г.)

В. В. Бабурин

**Состояние и динамика киберпреступлений, совершаемых
в экономической сфере**

Общая преступность в экономической сфере традиционно определяет направленность всей преступности в Российской Федерации. При этом одним из трендов последних лет является значительное увеличение доли экономических преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, часто именуемых киберпреступлениями в экономической сфере. Характеризуя основные показатели современной киберпреступности в экономической сфере, прежде всего необходимо дать оценку ее месту как во всей преступности в Российской Федерации в целом, так и в системе общей киберпреступности.

Начнем с показателей преступности в России за 2022 год.

Характеризуя общий *объем преступлений*, отметим, что всего преступлений в России за 2022 г. было совершено 1 млн 966 тыс. 795 преступлений, или на 1,9% меньше, чем за аналогичный период 2021 г. (2 млн 4 тыс. 404 преступления), при таком же *общем снижении* преступности в 2021 г. на 1,9% по сравнению с 2020 г. [1]. При этом коэффициент преступности в 2022 г. составил 1351,2.

Из них по категории преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, было совершено 522 тыс. 65 преступлений, что на 0,8% больше, чем за аналогичный период 2021 г. (517 тыс. 722 преступления, при общем росте этого вида преступности прошлого года на 1,4% по сравнению с 2020 г.).

При этом из всех преступлений названной группы киберпреступления в экономической сфере составили в 2022 г. — 371 тыс. 171 преступление,

в том числе кражи — 113 тыс. 565 преступлений и мошенничество по ст. ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ — 257 тыс. 606 преступлений. Это почти 71% от всех киберпреступлений. В 2021 г. — 406 тыс. 41 преступление, в том числе кражи — 156 тыс. 792 преступления и мошенничество по ст. ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ — 249 тыс. 249 преступлений. Это почти 78% от всех киберпреступлений.

В январе-декабре 2022 г. зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 0,8% больше, чем за аналогичный период 2021 г. Практически все такие преступления (98,7%) выявляются органами внутренних дел.

Характеризуя структуру преступности, необходимо отметить, что удельный вес киберпреступлений в общем числе зарегистрированных преступлений в 2022 г. увеличился с 25,8% в январе-декабре 2021 г. до 26,5%.

Больше половины таких преступлений (52,1%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (272,2 тыс.; -5,6%), почти три четверти (73,0%) совершается с использованием сети Интернет (381,1 тыс.; +8,4%), более трети (40,8%) — средств мобильной связи (213,0 тыс.; -2,1%). Почти три четверти таких преступлений (71,1%) совершается путем кражи или мошенничества: 371,2 тыс. (-8,6%), почти каждое восьмое (11,9%) — в целях незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств — 62,2 тыс. (+20,9%).

Преступления, совершаемые с использованием ИТТ, наносят значительный вред как отдельно взятым гражданам и организациям, так и всему государству.

Так, в 2022 г. ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 748,3 млрд руб., что на 10,3% меньше аналогичного показателя прошлого года. Из них по категории преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, ущерб составил 432 млрд рублей, что на 51 млрд больше, чем в предыдущем году [1].

Трансформация основных показателей киберпреступности связана с изменением основных тенденций такой преступности. Так, в 2022 г. наблюдается прирост доли инцидентов, затронувших веб-ресурсы организа-

ций: с 17% до 22% относительно итогов 2021 г. Наибольший удар пришелся на госучреждения: количество успешных атак, направленных на сайты, выросло более чем в два раза.

В течение всего периода отмечается множество сообщений о компрометации данных различных компаний и их клиентов. В результате атак на организации злоумышленникам удалось украсть конфиденциальную информацию в 47% случаев, в атаках на частных лиц — в 64%.

Растет количество инцидентов с применением шпионского программного обеспечения, особенно в атаках на частных лиц: к концу 2022 г. эти вредоносные программы использовались в каждой второй успешной атаке на пользователей.

Шифровальщики составили 51% используемого программного обеспечения в атаках на организации и продолжают эволюционировать: в 2022 г. еще больше группировок переписали используемое программное обеспечение на кросс-платформенные языки или же создали версии, направленные как на Windows, так и на Linux-системы. В 2022 г. мы отметили распространение вредоносов для удаления данных — вайперов, некоторые из них маскировались под шифровальщиков.

Социальная инженерия по-прежнему на высоте (в успешных атаках на организации этот метод применялся в 43% случаев, на частных лиц — в 93%), в частности из-за распространения модели phishing as a service (фишинг как услуга). В атаках на частных лиц злоумышленники активно используют социальные сети и мессенджеры, а в инцидентах, затронувших организации, отмечены успешные атаки на второй фактор аутентификации. Эти тенденции ожидаемо усилятся в 2023 г.

Атаки на IT-компании все чаще приводят к межотраслевым последствиям как за счет последующего взлома инфраструктуры клиентов, так и за счет нарушения бизнес-процессов клиентов из-за сбоев в работе сервисов.

Преступники, учитывая, что криптовалюты продолжают набирать популярность и появляется все больше проектов, основанных на блокчейн-технологиях, увеличили количество атак на блокчейн-проекты. Отмечается их увеличение более чем в два раза относительно показателя 2021 г.

В 2022 г. продолжает расти число атак на веб-ресурсы. Так, число успешных атак, направленных на веб-ресурсы организаций, увеличилось на 56%. Если в 2021 г. веб-ресурсы компаний становились объектами атак в 17% случаев, то в 2022 г. доля таких инцидентов составила 22%. С ростом

количества кибератак столкнулись организации многих отраслей, наибольший удар пришелся на госучреждения: количество инцидентов выросло более чем в два раза, а их доля повысилась с 23% до 41%» [2].

В Омской области, по аналогии с другими регионами, продолжилась тенденция роста уголовно наказуемых деяний, совершенных с использованием компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий (с 6 854 до 6 994, или +2,0%), их доля в общем массиве достигла 29,4% и продолжает расти.

В структуре IT-преступлений 78,5% составляют различного вида хищения, 11,9% — это сбыт наркотиков. При этом число «дистанционных» преступлений, связанных со сбытом наркотиков, увеличилось на 150,5% (с 331 до 829), краж сократилось на 6,7% (с 2 735 до 2 552), мошенничеств — на 4,4% (с 3 057 до 2 923).

Возросло число преступлений, совершенных с использованием:

- средств мобильной связи — на 5,0% (с 2435 до 2557);
- сети Интернет — на 4,3% (с 4268 до 4450);
- компьютерной техники — на 3,6% (с 361 до 374).

На территории областного центра зарегистрировано 5633, или 80,5% дистанционных преступления. Наибольшее количество совершено на территории обслуживания: ОП № 9 (821; АППГ — 766), ОП № 7 (713; АППГ — 666), ОП № 6 (680; АППГ — 724), ОП № 8 (639; АППГ — 647) УМВД России по г. Омску. Наибольший рост преступлений данного вида отмечен на территории обслуживания ОП № 10 — с 351 до 498.

В районах Омской области зарегистрировано 1361 дистанционное преступление. Наибольшее количество в Омском (255; АППГ — 251), Исилькульском (122; АППГ — 112), Тарском (105; АППГ — 88), Калачинском (99; АППГ — 123), Любинском (69; АППГ — 74) районах.

Наибольшую распространенность получили дистанционные хищения общеуголовной направленности, которые также представляют сложность в раскрытии.

Перечислим основные способы завладения денежными средствами:

- 36,7% преступлений совершены под предлогом блокирования либо списания денежных средств с банковской карты;
- в 32,5% случаев потерпевшие намеревались приобрести либо продать товары дистанционно (через сеть Интернет);

— 15,6% преступлений относятся к категории «контактных», совершены путем хищения банковской карты непосредственно у владельца либо через доступ к мобильному телефону, имеющему привязку к мобильному банку;

— 4,2% преступлений совершены под предлогом инвестирования денежных средств в различные финансовые пирамиды;

— в 2,4% случаев преступники использовали взломанные личные страницы социальных сетей;

— 1,7% потерпевших пополнили счета, указанные преступниками в качестве оплаты процента за псевдовыигрыш, под предлогом возврата денег за ранее направленные им некачественные медицинские приборы, лекарства или БАДы, а также в качестве оплаты страховых сумм за положенные им социальные выплаты;

— 1,5% потерпевших, имея плохую кредитную историю, пытались получить кредиты, используя интернет-сайты, направляли денежные средства преступникам в качестве страховых выплат, оплаты услуги курьеров и т. д.;

— 1,4% злоумышленников похищали денежные средства, используя сайты-клоны интернет-банков и интернет-магазинов.

Список источников

1. *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г.* URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 05.03.2023).

2. *Актуальные киберугрозы: итоги 2022 г.* // Positive Technologies: официальный сайт. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022> (дата обращения: 25.02.2023).

А. О. Бекетов, О. И. Бекетов

Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении индивидуального предпринимателя и самозанятого гражданина

В соответствии с ч. 1¹ ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1–4 ст. ст. 159, 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены *индивидуальным предпринимателем* в связи с осуществлением им предпринима-

тельской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены *членом органа управления коммерческой организации* в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также чч. 5–7 ст. ст. 159, 171, 171¹, 171³–172³, 173¹–174¹, 176–178, 180, 181, 183, 185–185⁴ и 190–199⁴ УК РФ только в случаях: если подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Впервые указанное положение введено Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ [1] в целях создания дополнительных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования и исключения применения излишне суровых мер государственного принуждения*, по сути, установив дополнительные требования к применению меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении субъектов предпринимательской деятельности. В дальнейшем указанная норма неоднократно подвергалась изменениям, в том числе и в связи с уточнением субъектов, в отношении которых установлены соответствующие особенности применения самой строгой меры пресечения.

С момента введения данной законодательной конструкции существуют сложности как в определении связи преступления с предпринимательской деятельностью [2, с. 47; 3, с. 43], так и в установлении соответствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, совершивших преступление [4, с. 67].

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 48) ВС РФ обращает внимание, что ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных чч. 5–7 ст. ст. 159, 171, 171¹,

* Пояснительная записка к законопроекту.

171³–172³, 173¹–174¹, 176–178, 180, 181, 183, 185–185⁴ и 190–199⁴ УК РФ, *без каких-либо других условий*, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, регламентированных чч. 1–4 ст. ст. 159, 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201 УК РФ, — при условии, что эти преступления совершены *индивидуальным предпринимателем* в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены *членом органа управления коммерческой организации* в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

В связи с этим суду по каждому поступившему ходатайству следователя, дознавателя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1–4 ст. ст. 159, 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201 УК РФ, являющегося индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, следует проверять, что инкриминируемое ему преступление совершено не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо не в связи с осуществлением им полномочий по управлению этой организацией или не в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. При отсутствии указанных сведений такое ходатайство удовлетворению не подлежит.

Обратим внимание, что при совершении преступления индивидуальным предпринимателем при решении вопроса о возможности применения в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу следует проверять, совершено ли инкриминируемое ему преступление в связи с *осуществлением им предпринимательской деятельности* и (или) *управлением принадлежащим ему имуществом*, используемым в целях предпринимательской деятельности.

Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» (далее — Закон № 422-ФЗ) введена новая категория налогоплательщиков — физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим (ч. 1

ст. 4 Закона № 422-ФЗ), т. е. так называемые самозанятые граждане. Обращает на себя внимание, что указанный налоговый режим может применяться не только к индивидуальным предпринимателям, но и к физическим лицам, не зарегистрированным в качестве таковых.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 Закона № 422-ФЗ физические лица, изъявившие желание перейти на специальный налоговый режим, обязаны встать на учет в налоговом органе в качестве налогоплательщика.

Таким образом, в соответствии с указанными положениями закона признано, что физическое лицо также может осуществлять предпринимательскую деятельность и получать доход от управления принадлежащим ему имуществом.

Изложенное позволяет поставить вопрос: следует ли применять положения ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, предусматривающие дополнительные гарантии при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, в отношении граждан, вставших на учет в налоговом органе в качестве налогоплательщика налога на профессиональный доход (самозанятых)?

Учитывая, что в соответствии с данными, представленными на официальном сайте Минэкономразвития РФ [5] по итогам 2021 г. число зарегистрированных самозанятых превысило 3,86 млн человек, по итогам 2022 г. — 6,561 млн человек, поставленный вопрос представляется весьма актуальным.

Принимая во внимание, что в соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона № 422-ФЗ срок проведения эксперимента по установлению специального налогового режима определен до 31 декабря 2028 г. включительно, представляется на данном этапе излишним включение указанной категории физических лиц в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ. Однако при этом считаем целесообразным применять правила, установленные указанной нормой, при совершении преступления, предусмотренного чч. 1–4 ст. ст. 159, 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201 УК РФ, самозанятым гражданином в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, что требует соответствующих разъяснений ВС РФ в профильном постановлении Пленума ВС РФ № 48.

Список источников

1. *О внесении изменений в Часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации :*

федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Яни П. Предпринимательские преступления против собственности // Законность. 2017. № 1.

3. Яни П. Связь преступления с предпринимательской деятельностью // Законность. 2019. № 11.

4. Логвинчук Р. О. Специальный субъект преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Особенности межотраслевого регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 6.

5. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh (дата обращения: 20.03.2023).

А. К. Бекряшев

Анализ деятельности Банка России по противодействию манипулированию рынком ценных бумаг

Манипулирование рынком — новый вид незаконной деятельности на российском организованном рынке ценных бумаг. Несмотря на введение в УК РФ новых составов, в том числе связанных с манипулированием рынком (ст. 185⁴ УК РФ), решающий вклад в противодействие этой категории незаконных практик вносит Банк России, выполняющий с 2013 г. функции финансового мегарегулятора. Это обусловлено спецификой данного общественно опасного деяния: сложностью выявления данных преступлений и необходимостью непосредственного доступа к рыночной информации, применения специальных экономических познаний. Кроме того, как показывает опыт, вследствие оперативности и сравнительно низкого уровня издержек предупредительный эффект контрольной деятельности и привлечения к административной ответственности часто выше аналогичного эффекта применения уголовного закона.

Проанализируем деятельность Банка России по противодействию манипулированию рынком ценных бумаг. Анализ выполнен по отдельным видам финансовых инструментов: акциям, облигациям, инвестиционным паям и производным финансовым инструментам за период с 2011 по 2022 гг.

На рис. 1 наглядно видна тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений по ст. 185³ УК РФ и числа лиц, в отношении которых установлен факт участия в манипулировании рынком (по данным Банка России [1]). Заметна высокая согласованность динамики обоих показателей.

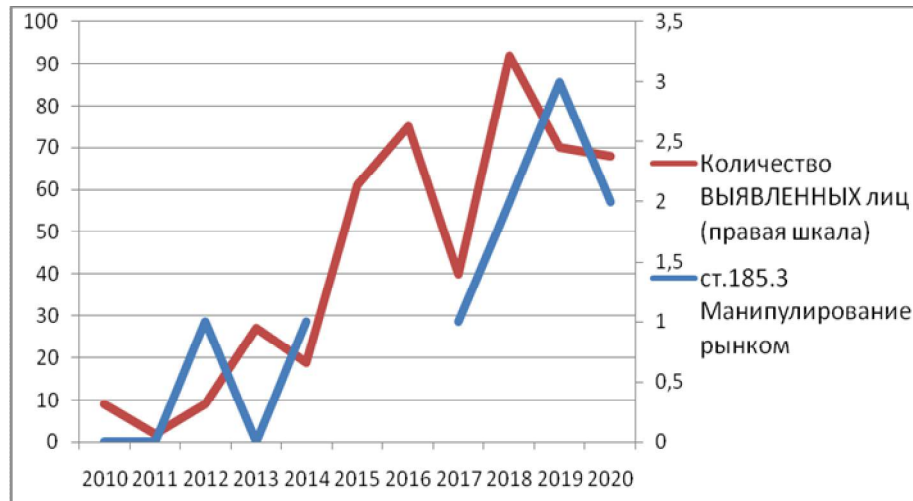

Рис. 1. Количество выявленных Банком России лиц, связанных с манипулированием рынком ценных бумаг, и число зарегистрированных преступлений по ст. 185³ УК РФ (2010–2020 гг.)

На рис. 2 представлены данные о выявленных случаях манипулирования по отдельным видам инструментов финансового рынка: акциям, облигациям, инвестиционным паям, производным финансовым инструментам, ипотечным сертификатам участия.

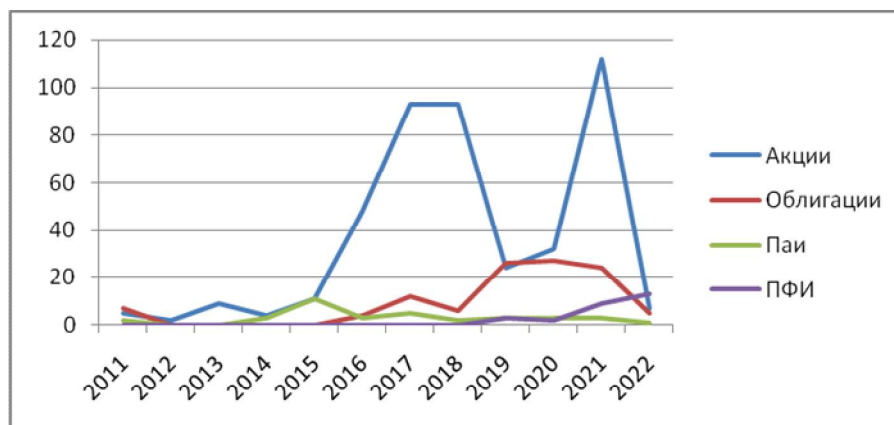

Рис. 2. Количество выявленных случаев манипулирования рынками отдельных финансовых инструментов (2011–2022 гг.)

Динамика выявленных фактов демонстрирует волновой паттерн: постепенный рост с последующим угасанием. Динамика выявленных объектов манипулирования принимает волнообразную форму с различным количеством волн: три волны — акции, две — облигации, одна — инвестиционные паи и производные инструменты.

Количество выявленных случаев манипулирования акциями формирует три возрастающих пика — в 2013 г., в 2017–2018 гг. и в 2021 г. Однако абсолютное количество инструментов и их структура и хронология выявления заметно различаются (рис. 3).

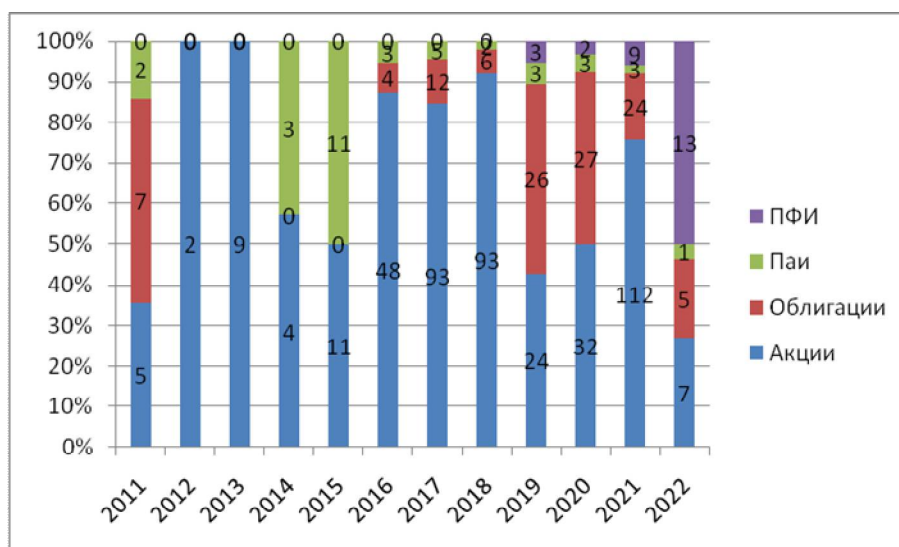

Рис. 3. Структура выявленных случаев манипулирования рынком ценных бумаг в 2011–2022 гг.

На протяжении большей части 12-летнего периода анализа доминирующее положение в структуре объектов манипулирования занимают акции. Их доля колеблется от более четверти всего количества до 100%. На втором месте — облигации, основное число которых выявлено в 2019–2021 гг. Далее следуют инвестиционные паи, пик манипулирования которыми приходится на 2014–2015 гг., и наконец, производные финансовые инструменты. Манипулирование рынками фьючерсов и опционов — новейшая тенденция, обозначившаяся с 2019 г. с пиком в 2022 г.

Рисунки 2 и 3 позволяют видеть хронологию изменения контрольной деятельности Банка России.

Более показательными являются данные о тенденциях изменения количества *фактических случаев манипулирования* отдельными видами финансовых инструментов.

В данной работе использован следующий подход к определению этого показателя. Информационной базой выступает публикуемый Банком России перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком [1]. По каждому выявленному случаю перечень содержит информацию о видах финансовых инструментов — объектах манипулирования, лицах-нарушителях, периоду

манипулирования и мерах, принятых финансовым регулятором к правонарушителям. Количество инструментов, которыми осуществлялось фактическое манипулирование в определенный год, рассчитывается как сумма по всем выявленным случаям за все годы, отнесенным к данному конкретному году. Таким образом формируются два различных показателя: выявленное в каждый год число объектов манипулирования и фактическое. Их соотношение дает меру латентности правонарушений и меру эффективности контрольной деятельности Банка России. Чем более ранний период принимается в расчет, тем точнее эти показатели.

Рисунки 4 и 5 показывают периоды наибольшего интереса манипуляторов к отдельным инструментам.

Фактические процессы имеют похожую структуру, включающую одну волну.

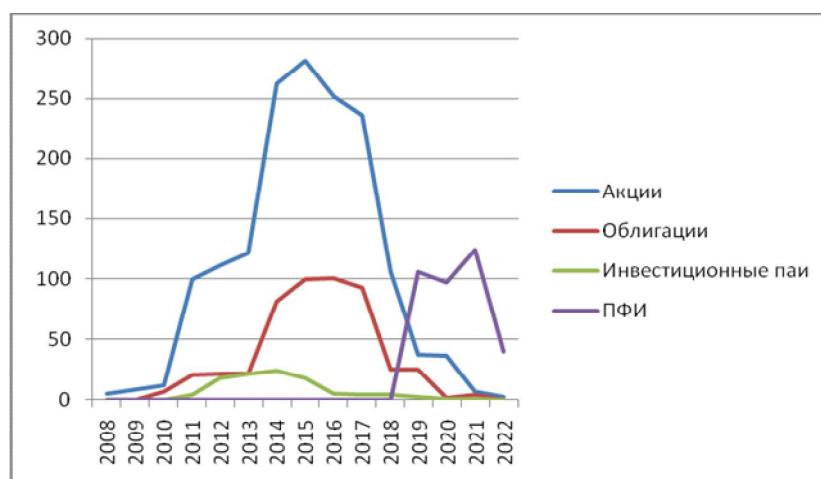

Рис. 4. Фактические случаи манипулирования рынками отдельных финансовых инструментов (2011–2022 гг.)

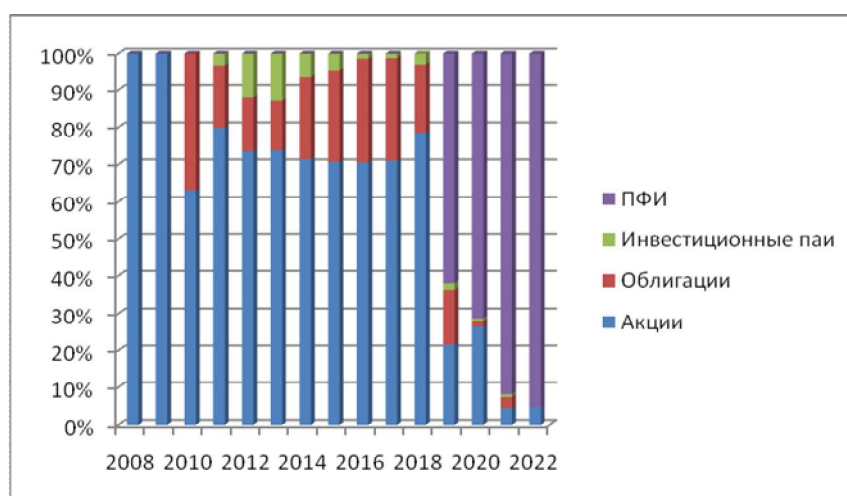

Рис. 5. Структура фактических случаев манипулирования рынком ценных бумаг (2011–2022 гг.).

Наблюдается тенденция к перемещению от спот-рынка к срочному рынку, более сложному, но открывающему возможности экономии транзакционных издержек и потенциально более прибыльному.

Рассмотрим динамику показателя *отношения количества выявленных Банком России случаев манипулирования к количеству фактических случаев* по отдельным видам финансовых инструментов. Этот показатель может рассматриваться в качестве меры эффективности деятельности Банка России по противодействию манипулированию. На рис. 6 показана динамика показателя по трем видам инструментов: акциям, облигациям, инвестиционным паям.

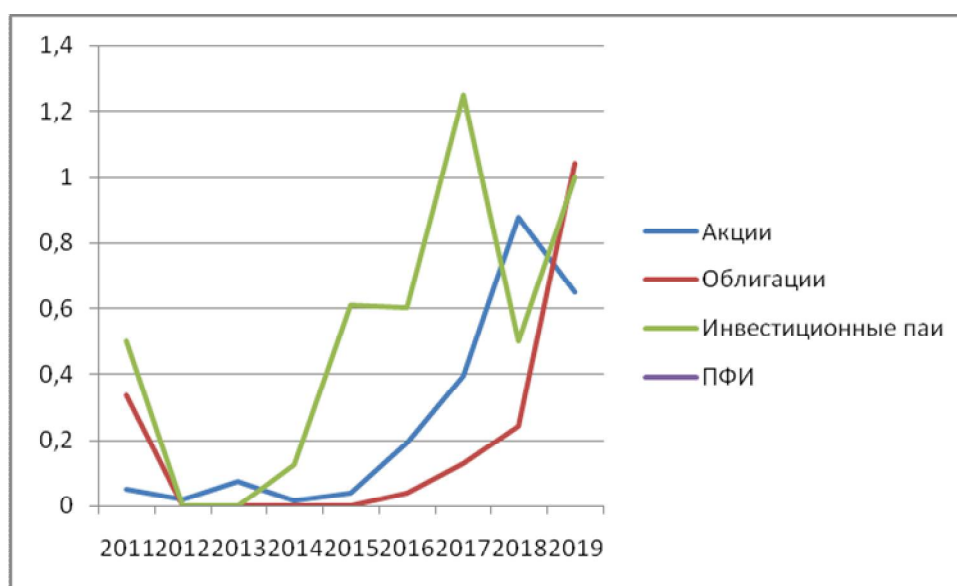

Рис. 6. Отношение количества выявленных Банком России случаев манипулирования к количеству фактических случаев по отдельным видам финансовых инструментов (2011–2022 гг.)

Если рассматривать период с 2011 по 2019 гг., то можно заметить похожий паттерн параболического роста показателя и последующего снижения или стабилизации для акций, облигаций и паев. Такой тип динамики может быть объяснен временным лагом между моментом выявления манипулирования и периодом фактического осуществления. Выявленные случаи определяются фактической манипулятивной практикой в прошлые периоды. Фактические же случаи за конкретный год, включаемые в расчет показателя, выявляются с запаздывающим лагом. Это означает, что чем больше период между фактическим манипулированием и его выявлением, тем выше вероятность его выявления. Поэтому показатели выявления нарастают быстрее, чем относимые к этому же году фактические случаи. Параболическая форма зависимости может рассматриваться как грубый критерий эффективности деятельности Банка России, что и наблюдается по всем ценным бумагам.

Если принять во внимание период после 2019 г., то можно отметить стремительный рост рассматриваемого соотношения по облигациям (13,5 в 2019 г.) и по акциям (18,7 в 2021 г.). Это финансовые инструменты, имеющие длительную историю обращения и использования для целей манипулирования. Для относительно новых производных соотношение относительно скромное: 0,028 в 2019 г., 0,02 в 2020 г., 0,07 в 2021 г. и 0,32 в 2022 г. Иначе говоря, и здесь наблюдается подобный тип динамики. Если оценивать уровень и динамику показателя, то заметны различия для отдельных видов инструментов. Наиболее эффективным выглядит показатель выявления манипулирования по инвестиционным паям. Наихудший показатель за большую часть периода — по облигациям. Среднюю позицию занимают акции.

В заключение рассмотрим оценки временного лага между фактически-ми случаями манипулирования и их выявлением по отдельным видам финансовых инструментов.

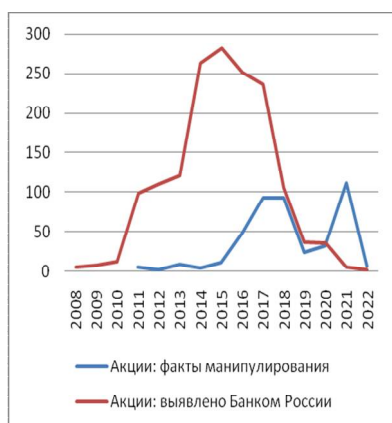

Рис. 7. Фактические и выявленные случаи манипулирования рынком акций (2011–2022 гг.)

Рис. 8. Фактические и выявленные случаи манипулирования рынком облигаций (2011–2022 гг.)

Рис. 9. Фактические и выявленные случаи манипулирования рынком инвестиционных паев (2011–2022 гг.)

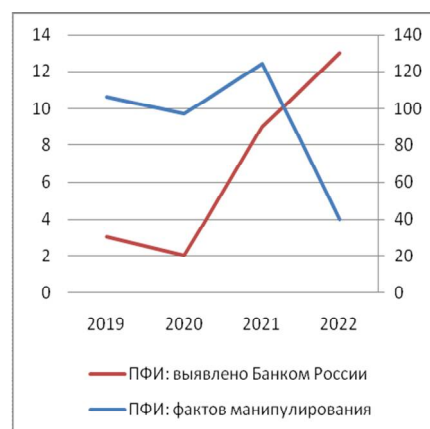

Рис. 10. Фактические и выявленные случаи манипулирования рынком производных финансовых инструментов (2011–2022 гг.)

Визуальный анализ графиков позволяет сделать вывод о том, что по акциям временной лаг между фактическим манипулированием и выявлением составляет около трех лет. По инвестиционным паям — один год. Наибольший лаг наблюдается по облигациям — около четырех лет. Временной лаг по производным финансовым инструментам практически отсутствует.

Если сопоставить эти данные с рис. 6 (отношение количества выявленных Банком России случаев манипулирования к количеству фактических случаев), то между ними наблюдается определенная согласованность. Более быстрый рост этого показателя положительно связан с уменьшением временного лага. Иными словами, эти две меры эффективности Банка России согласуются. Обе они также согласуются с хронологией развития процессов манипулирования. Это позволяет предположить усложнение со временем методов манипулирования, опережающих возможности Банка России. Тем не менее данные по производным финансовым инструментам указывают на возможное резкое сокращение разрыва.

Список источников

1. *Перечень* выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect (дата обращения: 20.10.2022).

И. Б. Гетман, Е. С. Стаурский

Современное состояние противодействия преступлениям экономической направленности в сфере оборонно-промышленного комплекса

В настоящее время оборонно-промышленный комплекс (ОПК) Российской Федерации консолидирует значительную часть научно-технического ресурса страны, составляя приблизительно 30% от общего объема машиностроения и 45% от общего объема машиностроительного экспорта [1, с. 75]. Российская Федерация выделяется на международной арене как один из лидеров в области экспорта военных товаров. Согласно данным, опубликованным на информационном портале «Взгляд», по итогам октября 2017 г. экспортное портфолио военной продукции России составило 9,8 млрд долларов США. Результаты 2016 г. показали, что Россия реализовала оружия и военной техники иностранным заказчикам на общую сумму 15,7 млрд долларов, заняв второе место в мировом рейтинге по объемам экспорта военной про-

дукции, уступая лишь США. Интересен факт, что в период с 2001 по 2013 гг. экспорт российской военной продукции увеличился в четыре раза, достигнув пика в 50 млрд долларов [2, с. 53].

На мировой арене в области экспорта вооружений доминируют США и Россия, которые в период 2009–2017 гг. обеспечили 29% и 27% общемирового объема поставок соответственно. Однако, по информации Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), между 2000 и 2005 гг. эти доли составляли 31% и 30%, указывая на падение их рыночного влияния. Стоит отметить также активное участие Германии, Китая, Франции и Великобритании в глобальном оружейном бизнесе [2, с. 53].

Современное укрепление боевого потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации рассматривается как важнейший национальный проект. Ключевыми аспектами этой стратегии являются модернизация и перевооружение военных формирований, включая приобретение новейших образцов техники и оружия. Бюджетные ассигнования на эти цели до 2020 г. составляли приблизительно 20 трлн рублей с дополнительными тремя трлн рублей, предназначенными для модернизации ОПК страны.

Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул значимость импортозамещения в рамках оборонного сектора. По его словам, важно гарантировать независимое производство всех ключевых компонентов и ресурсов, необходимых для реализации программы перевооружения армии и военно-морского флота, на территории России, исключая внешние зависимости [3].

ОПК России выступает в роли стержня национальной безопасности, играя критически важную роль в поддержании военно-экономической устойчивости страны. Данная сфера подвергается множеству внешних и внутренних угроз, которые могут негативно сказаться на экономическом благосостоянии нации, ограничивая экономические интересы ее граждан, общества и государства, а также угрожая национальным ценностям и устоям.

Среди преступлений, типичных для оборонно-промышленной сферы, особо выделяются мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Острота проблемы противодействия экономическим преступлениям в области ОПК связана с жизненной необходимостью оптимизации расходов

вания бюджетных средств на всех этапах — от концептуального проектирования и тестирования до производства, хранения и интеграции новых систем вооружения и техники, включая их экспорт. Таким образом, перед структурами, ответственными за экономическую безопасность и противодействие коррупции, стоит задача глубокого понимания механизмов экономических преступлений в ОПК, с учетом всех особенностей, характерных для данной отрасли национальной экономики.

ОПК России столкнулся с рядом экономических преступлений, отражающих сложную системную проблему в управлении сектором и его регулировании. Среди наиболее распространенных нарушений следует выделить неправомерное присвоение активов, различные виды мошенничества, злоупотребления при реализации государственных оборонных заказов, в том числе хищение бюджетных средств и их нецелевое использование. Дополнительные проблемы создают привлечение в цепочку поставок фирм-посредников или недобросовестных предприятий, а также манипуляции с объемами выполненных работ и использование некачественных компонентов, противоречащих технической документации, в рамках программ по импортозамещению.

Иллюстрируя глубину проблемы, можно привести пример строительства космодрома «Восточный», где в рамках одного контракта участвовало до десятка различных подрядчиков. Такая система не только приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств, но и снижает общую обороноспособность государства из-за нарушения сроков, завышения цен и ухудшения качества продукции.

Чтобы противостоять указанным вызовам, необходимо формировать всестороннюю систему противодействия экономическим преступлениям, ориентированную на их профилактику, выявление, пресечение и раскрытие. При этом ключевую роль играют понимание специфики экономических преступлений в ОПК и разработка стратегий, направленных на их предотвращение как в отрасли в целом, так и на уровне отдельных предприятий.

Идентификация уголовных противоправных действий подразумевает диагностику скрытых преступных актов. Этот процесс охватывает определение личности правонарушителя, установление в его поступках элементов уголовно наказуемых действий в целях рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также определение стороны, понесшей ущерб. При выявлении субъектов, участвующих или организующих преступное деяние, акти-

визируется этап пресечения, цель которого — прекратить дальнейшее выполнение преступного действия. Процедура раскрытия, в свою очередь, обеспечивает комплекс действий по выявлению субъектов преступления и сбору улик для их дальнейшего привлечения к уголовной ответственности.

Аналитические данные свидетельствуют о стабильном росте количества преступлений, происходящих внутри ОПК. Для эффективной борьбы с экономическими и коррупционными нарушениями в рамках оборонно-промышленного сектора необходимы глубокая диагностика и анализ текущей оперативной ситуации. Именно комплексный подход к аналитике создаст основу для результативных контрмер в этом сегменте.

В условиях стратегии государственной экономии бюджетных средств негосударственный сектор экономики привлекает особое внимание, особенно в контексте целевого использования бюджетных аллокаций. Государство выделяет импонирующие суммы на развитие этой сферы, учитывая, что альтернативные источники финансирования для укрепления материальной и технической базы негосударственного сектора ограничены.

На наш взгляд, к ключевым противодействующим факторам внешнего контекста относятся несогласованность взаимодействия между ОВД и другими органами правопорядка, а также государственными учреждениями. Эту проблему усугубляет отсутствие стандартизированных методических подходов и процедурных алгоритмов для выявления и раскрытия преступлений.

Специфические трудности, возникающие при идентификации и раскрытии преступных действий в контексте ОПК, часто обусловлены индустриальными особенностями. Примером могут служить конфиденциальность объектов ОПК, а также закрытая информация о размерах бюджетного финансирования и масштабах государственного оборонного заказа.

Стоит акцентировать внимание на характеристике совершенных преступлений и их исполнителей.

Преступления в рамках ОПК можно сегментировать по уровню их влияния на следующие категории:

- связанные с хищением бюджетных средств, выделенных под государственный оборонный заказ и федеральные целевые программы;
- имеющие коррупционный аспект;
- связанные с производством и поставками фальсифицированной оборонной продукции;
- проявления нелегитимного предпринимательства;

- действия без соответствующей лицензии в рамках государственного оборонного заказа;
- сознательное банкротство предприятий;
- использование промежуточных фирм с коротким жизненным циклом;
- действия, связанные с мобилизационной готовностью предприятий.

Подробное изучение опыта в сфере ОПК показывает, что на его предприятиях проявляются экономические нарушения, типичные для различных экономических секторов.

Многие уголовные дела экономической категории, связанные с сектором ОПК, выделяются из-за своей особой сложности. Это объясняется тем, что преступники активно используют различные механизмы для создания иллюзии законности и экономической рациональности их действий. В частности, преступления часто маскируются с помощью подготовки фальсифицированных или подложных документов, отображающих финансовую и хозяйственную деятельность.

Расследование таких дел влечет за собой проведение обширного комплекса следственных действий, таких как обыски, допросы и изъятие документов. Многие из этих действий проводятся на территории объектов с повышенной степенью секретности, где документы могут иметь грифы «секретно» или «совершенно секретно». Кроме того, необходимо проведение глубоких экспертиз в различных областях (экономической, бухгалтерской, инженерной и др.) с учетом вышеупомянутых документов.

В таких условиях оперативным подразделениям ОВД приходится проводить дополнительные оперативно-розыскные мероприятия, целью которых выступает выявление всего имущества, приобретенного преступником путем незаконных действий. Это может включать в себя изучение законности происхождения такого имущества и его возможную связь с определенным преступлением.

Для обеспечения максимальной эффективности расследования важно с самого начала вовлекать в процесс оперативных сотрудников. Их участие позволяет расшифровать всю преступную схему, определить степень участия каждого индивида и гарантировать сохранность документов, которые могут содержать важные для расследования данные.

В сфере экономики выявление преступлений часто происходит в момент, когда злоумышленник или группа преступников оказываются задержанными

на месте преступления либо непосредственно после его совершения. Однако стоит отметить прогрессивные шаги корпоративных служб безопасности в последние годы. Благодаря глубокому опыту, современным методам работы, имеющимся базам данных и мониторингу, эти службы активно обнаруживают экономические нарушения в рамках их регулярных функций, таких как проверка контрагентов, потенциальных клиентов и сотрудников. Анализ информации от служб внутреннего финансового контроля и корпоративного аудита также играет ключевую роль в процессе обнаружения. К тому же международное сотрудничество, в частности с органами финансового контроля зарубежных стран и глобальными структурами, такими как ИНТОСАИ, способствует расширению спектра диагностируемых нарушений.

В процессе выявления экономических преступлений необходимо учитывать определенные характеристики и нюансы. Так, многие из таких преступлений совершаются под видом стандартных коммерческих операций, при этом потерпевшие могут даже не осознавать, что были жертвами мошенничества или другого экономического преступления, например, незаконного вывода средств. Дополнительно сотрудники органов внутренних дел при раскрытии экономических преступлений могут столкнуться с рядом сложностей, включая определение реальности совершенного преступления, выбор и изъятие соответствующих документов, установление их подлинности, а также принятие решения о проведении различных экспертиз, таких как финансово-экономическая или финансово-кредитная, чтобы сформировать доказательную базу по делу.

Проблемы привлечения к ответственности за экономические преступления усугубляются по прошествии продолжительного времени после их совершения, особенно если учесть десятилетний срок давности, который установлен для большинства таких правонарушений. Руководство предприятий, работающих на государственный заказ, часто уклоняется от признания ущерба. Такое признание может повлечь за собой не только репутационные риски, но и бухгалтерские сложности при отражении ущерба в финансовой отчетности. Это, в свою очередь, может привести к необходимости корректировки налоговых деклараций за прошлые периоды и, как следствие, к проведению внеплановой налоговой проверки со стороны налоговых органов.

Дополнительные сложности связаны с быстрым развитием экономической среды и появлением новых методов экономической деятельности, таких как микрокредитование или торговля криптовалютами. Отсутствие или не-

достаточная разработка методических рекомендаций по выявлению и расследованию правонарушений в этих новых областях усиливает проблематику. К тому же вопросы, связанные с распределением средств в оборонной промышленности, часто подпадают под действие законов о гостайне, что вносит дополнительные препятствия для эффективной работы органов внутренних дел.

Перед органами внутренних дел и их специализированными подразделениями в области экономической безопасности и противодействия коррупции стоит комплекс важных задач.

1. Оптимизация досудебного процесса путем упрощения его процедур, что позволит сократить материальные и временные ресурсы. Это, кроме прочего, подразумевает дальнейшее развитие и совершенствование института досудебного соглашения о сотрудничестве, а также систематический мониторинг и анализ судебной практики.

2. Усиление действий по оперативному выявлению экономических нарушений в рамках оборонно-промышленного сектора путем более активного и эффективного применения оперативно-розыскных мероприятий.

3. Повышение результативности мер, направленных на компенсацию ущерба, причиненного государственному бюджету. Это включает в себя стимулирование добровольного возмещения ущерба, изъятие активов в ходе обысков, арест имущества, а также раннее выявление финансовых активов и другого имущества у лиц, причастных к преступлениям, с последующим применением мер обеспечительного характера в ходе следствия.

Эффективное выполнение вышеуказанных задач станет залогом снижения уровня экономической преступности в оборонно-промышленной сфере, что, в свою очередь, приведет к более рациональному и целесообразному использованию бюджетных средств, направленных на обеспечение обороны и безопасности страны.

Для того чтобы заметно улучшить результаты борьбы с экономической преступностью на предприятиях ОПК, существует необходимость разработки инновационных методологий диагностики, нацеленных на выявление индикаторов экономических нарушений различного характера и сложности.

Фундаментальное, научно обоснованное методическое сопровождение, ориентированное на минимизацию ошибок при декодировании и исследовании экономических нарушений, безусловно, усилит потенциал противодействия такого рода преступлениям.

Создание детальных методических рекомендаций, затрагивающих специфику выявления и раскрытия экономических нарушений, а также формирование передовых тактик и стратегий борьбы с преступлениями в сфере ОПК, будет активно способствовать укреплению национальной экономической безопасности.

В целом усиление мер по выявлению экономических нарушений как на государственном уровне, так и в рамках индивидуальных организаций ОПК, будет способствовать уменьшению степени экономической преступности. Это будет стимулировать экономическую динамику государства, активизируя производственные процессы, привлекая инвестиции и тем самым увеличивая государственные доходы за счет более эффективного налогообложения и экспортной деятельности.

Список источников

1. *Земсков В. В.* Особенности обеспечения экономической безопасности при реорганизации предприятий оборонно-промышленного комплекса // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3. № 11.

2. *Плотников В. А., Харламов А. В.* Российский оборонно-промышленный комплекс как фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития // Экономика и управление. 2018. № 11(145).

3. *Путин В. В.*: Импортозамещение для ОПК должно проходить по примеру подготовки к Олимпиаде в Сочи. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/11485> (дата обращения: 05.01.2023).

И. А. Журавлева

Конституционализм как механизм защиты от преступлений в сфере экономики

В преамбуле Конституции 1993 г. был закреплен постулат о том, что народ нашей страны, являющийся источником власти, «стремясь обеспечить благополучие и процветание России», признает не только историко-культурное наследие, но и гуманитарные ценности, включая все виды прав и свобод.

В связи с этим, на наш взгляд, вполне корректно утверждать, что переход отечественной государственности «на рельсы» демократических институтов и практик позволил рассматривать конституционализм не только как

совокупность конституционных идей в рамках Основного закона, систему эволюции конституционных норм и учреждений, но стал фактически представлять собой «механизм, построенный на приоритете прав и свобод личности, устанавливающий абсолютные границы правового регулирования, за которые не может выйти само государство, регулируя различные сферы общественной жизни» [1, с. 34].

Таким образом, нормы ст. 34 Конституции РФ отчасти определили вектор развития нашей экономики, закрепив положения, позволяющие свободно использовать свои способности и имущество, но исключительно в рамках разрешенной законом экономической деятельности, не допускающей монополизацию и недобросовестную конкуренцию. При этом в ст. 8 признаются все формы собственности, свобода экономической деятельности и гарантируются единство экономического пространства, поддержка конкуренции, которая является одним из рычагов регулирования рыночных отношений. Соответственно, «нормативный каркас» по созданию и обеспечению вполне жизнеспособного конституционного механизма защиты от преступлений в сфере экономики создан у нас еще в 90-е гг. XX в.

Необходимо отметить, что нормы права представляют собой правила поведения в конкретном обществе, государстве в определенный период времени с учетом социальных, ресурсных, нравственных условий. Нельзя всю ответственность за появление противоправных деяний преступников перекладывать исключительно на законодательство и нормотворцев. Подобная интеллектуальная близорукость приводит к дискредитации правовых институтов, законотворцев и порождает правовой нигилизм.

Примером демонстрации субъективных аспектов, которые портят картину, может стать несоблюдение принципа законности, краткая суть которого сводится к тому, что любой субъект правоотношений должен действовать исключительно в рамках закона. Вместе с тем этот принцип нарушается, о чем свидетельствует наличие обширного перечня оснований для привлечения к ответственности в различных отраслях права.

Принцип добросовестности, исповедуемый нормами гражданского права, заявляется, но не может гарантироваться законодательством, так как нормы реализуются людьми, и степень их законопослушности, порядочности зависит от них самих. Поэтому результатом игнорирования этого принципа становятся, например, неисполнение договора, появление фирм-однодневок, через счета которых совершаются незаконные операции, и т. д.

Основная проблема преступлений в сфере экономики представлена в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса РФ, где зафиксированы преступления, имеющие общий объект посягательства, а именно: имущественные и производственные отношения, экономические права всех видов субъектов экономической/хозяйственной деятельности.

«Ни один другой вид преступлений, закрепленных в Уголовном кодексе РФ, не вызывает у теоретиков уголовного права столько споров и разногласий относительно объекта посягательства, как преступления в сфере экономической деятельности. Отсутствие единого подхода к определению сущности объекта предрешает и огромное разнообразие мнений по поводу систематизации этих преступлений. Особую сложность в выработке единого критерия для классификации создает тот факт, что уголовное законодательство в данной области изменяется постоянно и с огромной скоростью» [2]. Тем не менее сфера применения норм права здесь очевидна — это сфера экономики, сфера ресурсов всех видов и доступа к ним, это фактически правоприменительная практика норм конституционного права.

Возвращаясь к проблеме конституционализма, отметим, что не только признание института прав и свобод человека и гражданина в экономике, закрепление основ хозяйственной деятельности в стране сформировали механизм защиты от преступлений, но и сама структура Федерации, ее устройство и система взаимосвязей. Например, нормы ст. 71 Конституции РФ являются своеобразным продолжением этого механизма, создавая нормативные, легальные условия разрешенных способов хозяйствования, отграничивая недопустимые формы поведения или деятельности.

Подводя итог, отметим, что проведенный общий анализ конституционных норм, создающих систему реагирования на преступления и защиту от них в сфере экономики, сделан исключительно с точки зрения конституционализма как теории развития и социальной ориентированности государства под эгидой и в рамках Основного закона страны.

Список источников

1. *Мамитова Н. В.* Теория российского конституционализма: история и современность : монография. М., 2005.
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.02.2023).

В. Ю. Карпычев

Экономическая преступность и информационные технологии: терминологический обзор

В настоящее время в преступной деятельности находят широкое применение современные информационные технологии (далее — ИТ), под которыми мы понимаем совокупность методов, приемов и технических средств поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации. По данным МВД России, «с использованием высоких технологий совершается каждое четвертое преступление» [1], значительная их часть относится к категории экономических (родовой или дополнительный объект — экономические отношения) [2, с. 113]. Это объясняет внимание, уделяемое правовой наукой изучению преступлений, совершаемых с использованием ИТ или в отношении информации (далее — ИТ-преступления).

Однако во многих исследованиях ИТ-преступности наблюдаются противоречивость в содержании и объеме вводимых понятий и определений, отсутствие между ними логической связи, признаки повседневного подхода к их интерпретации и т. д.

Между тем в уголовном судопроизводстве четкость определений желательна и даже необходима. При этом в научном и профессиональном сообществе, нормативных документах уже сложилась терминологическая база. Поэтому полезно еще раз обсудить некоторые термины, применяемые в уголовной доктрине для характеристики экономических ИТ-преступлений. Предлагается взглянуть на задачу с «технологической» точки зрения.

В качестве отправной точки кратко рассмотрим два термина, употребляемые в УК РФ. В примечании к ст. 272 УК РФ определено понятие «компьютерной информации», под которой понимаются «сведения ..., представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Известны аналоговая и цифровая формы представления информации. Тогда логично полагать, что компьютерную информацию создают, хранят, обрабатывают и передают аналоговые и цифровые компьютеры¹.

Однако УК РФ в ст. 272 не акцентирует внимания на форме информации и неограниченно расширяет перечень средств ее обработки. Нетрудно

¹ Компьютер — техническое средство, способное выполнять множественные арифметические и логические операции на основе заданной программы и данных (ГОСТ Р 52653-2006. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения).

увидеть несоответствие «технического» и уголовно-правового содержания понятия.

С уголовно-правовой точки зрения компьютерная информация — это предмет преступления [3, с. 137]. В частном случае преступления в сфере компьютерной информации могут вести к ущербу экономическим интересам.

Кроме термина «компьютерная информация» УК РФ содержит ряд статей (например, ст. 205²), в которых в качестве отягчающего обстоятельства указывается на использование информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТКС), включая сеть Интернет. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон № 149-ФЗ) определяет ИТКС как технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники², т. е. компьютеров.

Техническую структуру ИТКС составляют телекоммуникационная сеть (далее — ТКС) и компьютеры, обеспечивающие доступ к сети и пользовательскую обработку информации. Заметим, что компьютеры в данном случае — это всего лишь один из возможных видов окончного оборудования³ (далее — ОО), которое может быть подключено к ТКС. Иные виды ОО ФЗ 149-ФЗ в состав ИТКС не включает.

Опираясь на рассмотренные понятия УК РФ, можно предложить следующую группировку ИТ-преступлений.

Преступления в сфере компьютерной информации могут быть совершены как без использования ИТКС (ст. 274 УК РФ), так и с ее использованием (ст. 273 УК РФ).

Ряд иных преступлений, не являющихся преступлениями в сфере компьютерной информации, также может быть совершен с использованием ИТКС (ст. 137 УК РФ).

Кроме того, преступления, не являющиеся преступлениями в сфере компьютерной информации, могут быть совершены с применением любых

² Средство вычислительной техники (computer) — это совокупность технических устройств и программ, обеспечивающих их функционирование, способных функционировать самостоятельно или в составе других систем (ГОСТ Р 57429-2017 Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения).

³ Формальное определение ОО см.: ГОСТ Р 53801-2010. Связь федеральная. Термины и определения.

электронных средств, включая компьютеры, но без использования ИТКС, например, мошенничество с применением смартфонов. Для таких преступлений УК РФ специальных квалификационных признаков не предусматривает. В этом случае электронные средства являются обычными средствами совершения преступлений.

Представляется, что указанных характеристик (и терминов) достаточно для уголовно-правовой квалификации объекта и объективной стороны преступных деяний. Однако в быденном и научном употреблении оказались востребованными термины «киберпреступность», «компьютерная преступность», «цифровая преступность» и др. Исследователи иногда предлагают их существенно отличающиеся трактовки, но при внимательном анализе не трудно увидеть, что многие из них могут быть интерпретированы в уже используемых УК РФ терминах.

Киберпреступность. К настоящему времени общепринятое определение понятия «киберпреступление» не сформулировано [4, с. 77]. Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (2000 г.) определил киберпреступление как любое преступное деяние, «которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети» [5].

Обязательным признаком киберпреступления в этом определении (как и иных определениях) является упоминание в том или ином качестве компьютеров. Однако оговорка, сделанная в этом же определении, включает в перечень киберпреступлений любое преступление, которое может совершаться в электронной среде, т. е. независимо от вида ОО и использования ИТКС.

По нашему мнению, данная оговорка нивелирует содержание понятия, сводит его к рассматриваемому ниже определению «компьютерная преступность». Поэтому согласимся со следующими теоретическими и прикладными представлениями. Киберпреступление — это преступная деятельность:

— «против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [6, с. 47];

— в рамках которой используются либо атакуются компьютер, компьютерная сеть или сетевое устройство [7].

Объектом киберпреступления могут быть не только отношения, складывающиеся в сфере оборота компьютерной информации, но и другие общественные, в том числе экономические отношения.

Компьютерная преступность. В повседневном и научном обороте также широко используется термин «компьютерное преступление», который расширяет понятие киберпреступления. Отличие заключается в том, что «под понятие „компьютерное преступление“ может подпадать любое преступление, совершенное с использованием компьютеров (мошенничество, вымогательство, клевета, шпионаж, террористический акт и др.)» [2, с. 87]. Особо подчеркнем, что использование ИТКС не является обязательным признаком компьютерного преступления.

Цифровая преступность. Понятие «цифровая преступность» в настоящее время на законодательном уровне отсутствует. Исследователи полагают, что цифровая преступность включает в себя преступления, совершаемые в сфере цифровых технологий или с их использованием [8, с. 41]. Это означает, что критерием отнесения преступления к цифровому выступает использование в преступной деятельности любых электронных средств, обрабатывающих цифровую информацию.

При расширенном понимании термина «компьютер», как определено выше, цифровая преступность является синонимом компьютерной преступности, только акцентирующим внимание на форме обрабатываемой информации (не актуальная в уголовном праве характеристика).

При понимании термина «компьютер» в его истинном значении (узком, по ГОСТ Р 52653-2006) термин «цифровая преступность» приобретает самостоятельное содержание.

Полагаем, можно сделать вывод, что попытка рассмотрения понятийных особенностей некоторых известных ИТ-терминов осложнена нечеткостью используемых в уголовной доктрине дефиниций базовых и производных от них понятий. Представляется, что для разрешения отмеченных сложностей достаточно соотнести их с соответствующими техническими терминами, исключить формулировки, допускающие неоднозначную трактовку и интерпретацию, например, «электронная среда». При необходимости расширения понятийного аппарата следует вводить в правовой оборот однозначно определенные технические термины.

В заключение возникает вопрос о применимости рассмотренных терминов в профильной юриспруденции. По нашему мнению, для уголовно-правовой квалификации достаточно используемых УК РФ терминов и понятий, хотя в повседневном применении термин «ИТКС» представляется тяжеловесным и неудобным.

Иные родственные термины, возможно, допустимы в профессиональной повседневной речи или полезны в научных исследованиях и статистике при акцентировании внимания на каких-либо особенностях ИТ-преступлений.

Список источников

1. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г.* URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/?year=2023&month=1&day=20> (дата обращения: 21.02.2023).

2. *Простосердов М. А.* Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

3. *Энгельгардт А. А.* Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного статьей 273 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 4.

4. *Булгаков С. С., Поздняков А. Н.* О новых терминах в сфере отечественной правоохранительной деятельности: «киберпреступность» // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 4.

5. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks (дата обращения: 14.02.2023).

6. *Номоконов В. А., Тропина Т. Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2012. № 1.

7. *Что такое киберпреступность?* URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> (дата обращения: 21.02.2023).

8. *Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С.* Цифровая криминология : учеб. пособие. М., 2021.

А. Д. Майле

Миграция и ее влияние на преступность в сфере экономики ФРГ

Миграция является одной из ключевых проблем современности, имеющих огромное влияние на развитие общественных отношений и экономику любого государства. Германию как одну из крупнейших экономик Европы привлекает значительное количество мигрантов из разных стран мира. В свя-

зи с этим возникает вопрос о влиянии миграции на экономическую сферу и уровень преступности в ФРГ.

Миграционная политика Германии представляет собой систему правил, процедур и практик, определяющих, какие мигранты могут въезжать, на какой период времени и каким образом они могут проживать и работать в стране.

ФРГ нуждается в миграции по разным причинам. Основные из них — демографический фактор и недостаток квалифицированных рабочих. Учитывая быстрое старение немецкого общества и низкий уровень рождаемости, потребности в рабочей силе будут только расти. Прогнозируется, что к 2035 г. численность трудоспособного населения Германии еще больше сократится, несмотря на рост миграции. Это означает, что в будущем станет меньше людей трудоспособного возраста, которые смогут поддерживать экономику и социальную сферу. Миграция может помочь решить эту проблему путем привлечения новых рабочих и потребителей в страну [1, p. 77].

К сожалению, правительству Германии до настоящего времени не удалось привлечь в страну квалифицированных специалистов. Все больше политиков и высокопоставленных чиновников говорят, что «мы имеем дело с миграцией в социальную систему государства» [2, s. 11]. Подтверждением этому служат возросшие в несколько раз социальные расходы государственного и муниципального сектора из-за притока мигрантов. Однако следует отметить, что хотя большая часть ассигнований идет на жилье, пособия по социальному обеспечению и интеграционные инициативы, около одной трети тратится на превентивные меры, призванные остановить отток беженцев из стран их происхождения.

Обеспечить оплачиваемую работу большинству прибывших в страну просителей убежища — сложная задача, так как у многих беженцев отсутствуют навыки владения немецким языком, трудовой опыт и профессиональные навыки. Согласно последним исследованиям около 50% вновь прибывших беженцев все еще будут безработными через пять лет после их прибытия. Этот показатель упадет до 25% только через 14 лет. Кроме того, около трети трудоустроенных беженцев являются работниками без долгосрочных контрактов, большинство из них трудятся в секторах с низкой квалификацией или на низкооплачиваемых рабочих местах. Если Германии удастся эффективно обучать и постепенно повышать квалификацию молодых беженцев, она значительно улучшит состав и возрастную структуру своей рабочей силы и тем самым при-

внесет производительный потенциал в экономику. Обучение и повышение квалификации вновь прибывших в страну мигрантов является оптимальным вариантом как для беженцев, так и для немецкого общества в целом [3].

В ФРГ в настоящее время проживает около 23 млн человек с миграционным прошлым. В период с января по март 2023 г. 87 777 человек подали ходатайства о предоставлении убежища в Германии (80 978 — первоначальных заявлений; 6799 — последующих заявлений). По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (44 908 — первичные ходатайства), это на 80,3% больше. В целом в 2022 г. число соискателей убежища превысило количество подавших заявление на убежище в 2016 г. [4].

К сожалению, любая миграция сопровождается таким негативным феноменом, как преступность, причем характер преступлений довольно обширен и регулярно меняется. Мигранты часто становятся жертвами преступлений и также сами превращаются в преступников. Это оказывает негативное влияние на экономику, так как экономическая преступность снижает уровень безопасности и доверия в обществе, что, в свою очередь, может отразиться на бизнесе и экономическом развитии.

Проведенные исследования показывают, что между миграцией и преступностью в ФРГ существует тесная связь, но она сложна и многогранна. К тому же многие правонарушения, совершаемые мигрантами, сознательно замалчиваются исходя из политических установок. Статистика преступности в Германии также подвержена определенным манипуляциям и не дает полных и достоверных показателей [5]. У населения имеется недоверие к власти и подозрение в подтасовке данных. Это делается для того, чтобы снять социальную напряженность в обществе. Заявления властей о стабилизации и снижении криминогенной обстановки расходятся с реальностью.

По данным Федерального министерства внутренних дел и родины, в 2022 г. в Германии было совершено 5 628 584 уголовных правонарушений. Это на 11,5% больше, чем в 2021 г. При этом число экономических преступлений, за исключением преступлений по линии таможенных органов, составило 73 114 случаев. Таким образом, прирост по сравнению с 2021 г. — 21 854 случая или 42,6%. Вместе с тем, по оценкам экспертов, количество незарегистрированных дел в этой сфере преступности во много раз выше [6].

В 2022 г. таможенными органами ФРГ, обладающими некоторыми компетенциями по борьбе с нелегальным промыслом, незаконным трудоустройством и мошенничеством с социальными пособиями, было возбужде-

но более 111 500 уголовных дел и почти 48 000 дел об административных правонарушениях. Сумма ущерба в рамках расследования этих уголовных и административных дел составила 686,4 млн евро [7].

Анализ совершенных правонарушений указывает на то, что большинство преступлений в сфере экономики связаны с нелегальной миграцией. Более 60% зарегистрированных преступлений совершены лицами, не имеющими права на пребывание в Германии. Кроме того, данные свидетельствуют, что большинство лиц, совершивших преступления, являются молодыми мигрантами в возрасте от 18 до 30 лет.

Уровень экономической преступности среди мигрантов связан с различными факторами. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Экономическая нестабильность.* Экономическое положение в ФРГ в настоящее время является нестабильным. Мигранты все чаще сталкиваются с экономическими трудностями, такими как высокая безработица, низкие доходы, нестабильность занятости и т. д., что приводит к совершению таких преступлений, как мошенничество в том числе с социальными пособиями, нелегальное трудоустройство, уклонение от уплаты налогов и т. д.

2. *Культурные различия,* часто приводящие к непониманию законов и правил, действующих в новой стране. Мигранты порой не до конца осознают серьезности нарушения уголовно-правовых норм, действующих в экономической сфере.

3. *Интеграционная составляющая.* Важным фактором, влияющим на уровень экономической преступности среди мигрантов, является их интеграция в общество. Если мигранты имеют доступ к образованию и квалификации, они могут найти более высокооплачиваемую работу и лучше адаптироваться к жизни в новой стране. Недостаточная интеграция и отсутствие доступа к образованию и квалификации повышают риск попасть в круговорот бедности и преступности, в том числе организованной.

Еще неизвестно, сможет ли Германия в ближайшем будущем эффективно интегрировать большинство беженцев и, соответственно, пожинать потенциально возможные экономические выгоды, ведь интеграция — это долгосрочный процесс. Факт, что около двух третей беженцев, прибывших в ФРГ в последние годы, по-прежнему не имеют работы или работают неполный рабочий день, заставляет многих наблюдателей рисовать мрачную картину несостоявшейся интеграции и говорить о «параллельных общинах», живущих на обочине немецкого общества. Многие мигранты слишком долго

живут в изоляции от немецкого общества в приютах для беженцев, ожидая свободных мест на интеграционных курсах, или не имеют возможности работать из-за длительных бюрократических процедур получения разрешения на работу.

Рассматривая проблему предупреждения преступности в сфере экономики, следует обратить внимание на следующее.

Правильная миграционная политика, которая учитывает социально-экономические условия мигрантов, их интеграцию в общество и их права, может помочь снизить уровень преступности среди мигрантов и сделать их более активными участниками экономической и социальной жизни страны.

Экономическая преступность мигрантов негативно влияет на общественные отношения в сфере экономики, разрушает ее полноценное, нормальное функционирование, а также причиняет вред или создает угрозу законным интересам граждан, общества и экономической безопасности государства в целом.

В настоящее время правительство Германии предприняло ряд мер для предупреждения и уменьшения уровня преступности среди мигрантов. Таковыми являются:

- интеграционные программы. Правительство ФРГ внедряет интеграционные программы, помогающие мигрантам адаптироваться в новой стране, учить язык, получать образование и находить работу;

- профилактические меры. Правительство ФРГ разрабатывает и внедряет профилактические меры, направленные на предотвращение преступности среди мигрантов. К ним относятся программы по профилактике правонарушений, наркомании и алкоголизма и т. д.;

- усиление контроля за нелегальной миграцией. Правительство ФРГ сотрудничает с другими странами в целях предотвращения миграционных потоков, а также взаимодействует с заинтересованными государствами в предотвращении торговли людьми, проституции и других преступлений, связанных с миграцией;

- расширение возможностей для легальной миграции. Правительство Германии в настоящее время расширяет возможности для легальной миграции, например, облегчая возможности для трудоустройства иностранных специалистов.

Указанные меры могут помочь не только уменьшить уровень преступности среди мигрантов в ФРГ, но и создать благоприятную экономическую и социальную среду для всех жителей страны.

Список источников

1. *Wolfgang Kaschuba*. Integration der Gesellschaft: Die zentrale Agenda der Moderne — ein Essay, in: Arnim Regenbogen / Elk Franke / Reinhold Mokrosch (Hg.): Was hält die Migrationsgesellschaft zusammen? Göttingen, 2021.

2. *René Höltschi, Michael Rasch*. Plündern Zuwanderer das deutsche Sozialsystem – oder entlasten sie es? // Neue Zürcher Zeitung. 04. März, 2023.

3. URL: <https://wenr.wes.org/2019/08/the-state-of-refugee-integration-in-germany-in-2019> (дата обращения: 02.03.2023).

4. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/Asyl-geschaeftsstatistik/hkl-antrags-entscheidungs-bestandsstatistik-maerz-2023.pdf;jsessionid=2AB0B9F775C45D97400B4DA9997DA619.intranet262?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 12.05.2023).

5. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fluechtlinge-kriminalitaet-statistik-1.4556323>. (дата обращения: 03.03.2023).

6. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/DE/2023/03/pks2022.html>. (дата обращения: 03.03.2023).

7. URL: https://www.zoll.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/Jahresbilanzen/2023/z99_jahresstatistik_fks_2022.html (дата обращения: 04.03.2023).

К. Д. Николаев

Особенности освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности

Преступления в сфере экономической деятельности находятся в зоне пристального внимания не только правоохранительных и судебных органов, но и высших органов государственной власти и общественности. Вызвано это необходимостью стабилизировать экономику, сохранить и приумножить товарооборот, обеспечить граждан необходимыми продовольственными и промышленными товарами, а также широким спектром предложений в сфере услуг. Причем крайне важно сохранить баланс между интересами предпринимательских кругов, с одной стороны, и государства, общества и граждан, с другой стороны.

Все изложенное принимается во внимание при конструировании уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Так, существуют особенности освобождения от уголовной ответственности за названные преступные посягательства. Поэтому необходимо указать ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» Общей части УК РФ. Данная норма стимулирует позитивное постпреступное поведение лиц, совершивших преступления в экономической сфере, выражающееся в самом общем виде в возмещении ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, государству, организации или гражданину в результате преступления.

Аналогичную направленность имеют некоторые примечания к соответствующим статьям Особенной части УК РФ. Так, согласно примечанию 3 к ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» «лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления». Статья 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» содержит примечание, во многом сходное с приведенным ранее. Примечание 3 к ст. 198 УК РФ «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица — плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов» гласит: «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации». Сходны по содержанию с изложенным примечание 2 к ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией, — плательщиком страховых взносов» и примечание к ст. 199¹ УК РФ «Неисполнение обязанностей налогового агента».

Кроме указанных, ряд других статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, содер-

жат примечания, стимулирующие позитивное постпреступное поведение и закрепляющие в связи с этим освобождение от уголовной ответственности.

Таким образом, можно констатировать, что особенности освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности выражаются в следующем. Можно выделить нормы, закрепляющие специальные основания, освобождающие от уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства, расположенные в Общей части УК РФ (ст. 76¹). Причем наличие данной нормы не исключает освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности по другим закрепленным в нормах Общей части УК РФ общим основаниям (ст. ст. 75, 76, 76², 78 УК РФ). Кроме того, ряд статей Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за названные преступные посягательства, содержит примечания, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности за соответствующие преступления. Указанные особенности характеризуются общей тенденцией к гуманизации.

А. В. Петров

Оппозиция перформативности экономического дискурса и онтологической глубины витальности экономики

Едва ли возможно сыскать область культуры, не подверженную моде. Список того, где она дает о себе знать, — мода в одежде, в речи, в привычках и обиходе — смело можно продолжить модной точкой зрения в узком смысле или, в смысле широком, модой на употребление какой-нибудь познавательной модели. Такая мода формирует собой то, что Т. Кун назвал парадигмой, и питается разными интенциями — от веры в авторитет законодателя моды до убежденности во всеразрешающей способности парадигмы. История мысли знает немало примеров того, как мода приходила, самоутверждалась и изменялась: то веру в возможности науки сменял глубокий скепсис по отношению к ней, то рационализм уступал место иррационализму, то аналитичность подвигалась перед интуитивизмом. Наше время тоже не обойдено такой модой, имя которой — постструктурализм, сохраняющий свою содержательность, несмотря на то что реагирует на злободневный культурный контекст (расовую и гендерную повестку, идеи инклюзивности и деколонизации и т. п.). Обозначим его самые общие черты.

Постструктуралистский подход утверждает тезис о логоцентричности культуры, хотя она и дрейфует постепенно в область все большей образности и экспрессивности. Дискурс как логопраксис — основа основ с точки зрения структурализма — имеет перформативный характер, обладая способностью творить реальность. На эту творческую способность указывал еще Аристотель, когда замечал, что раз «поэт есть подражатель (подобно живописцу или иному делателю изображений), то он всегда неизбежно должен подражать одному из трех: или тому, как было и есть; или тому, как говорится и кажется; или тому, как должно быть» [1, с. 676]. Однако в наше время дискурс преодолел форму аристотелевского мимезиса, сделавшись автономной реальностью, способной конкурировать с реальностью эмпирической. В такой системе координат репрезентация становится заменой эссенциальности, т. е. существует то, о чем говорят, и так, как говорят. Для дискурса нет пределов, он не касается не только логоцентрических областей культуры (вроде философии или литературоведения); ему есть место везде, где дискурсивное пространство может быть наложено на эмпирию (а ныне, в силу развития средств массовой коммуникации и связанных с ними технологий, это все без изъятия области культуры). Разумеется, экономика не будет исключением.

В современном экономическом дискурсе присутствует все то, что характерно для постструктуралистского дискурса вообще: 1) идея структуры; 2) симулякр как олицетворение означающего; 3) Другой как дискурсивный оппонент и ритуально-символические речевые акты, направленные на него.

Названные особенности можно транскрибировать следующим образом.

1. Идеи «классических» экономических теорий, будь то марксизм или кейнсианство, теснимы идеей структуры, состоящей из элементов (денег, рынка, промышленности, ресурсов и т. д.), презентуемых экспертным мнением едва ли не как имеющих автономию. Несмотря на эту декларируемую независимость друг от друга, в пределах дискурса они сохраняют тесную связь с политической системой, научно-техническим прогрессом и даже общественным мнением.

2. Симулякр давно стал фактом экономической жизни, воплотившись в спекулятивном секторе и прорастая в область цифровой экономики. Деривативы, стоимость компаний ИТ-сектора, способная стремительно вырасти и столь же стремительно упасть, криптовалюты и NFT есть кристальное воплощение экономического симулякра, означающее без означаемого. Можно

возразить, что экономика как проекция духовной жизни человека всегда оперировала символами, имеющими значение для хозяйственной жизни, но все же раковина каури воплощает собой значительно более крепкую связь между означающим и означаемым, чем любой криптовалютный токен.

3. Другой для экономического дискурса — это назначенный оппонентом либерального капитализма «наступающий авторитаризм», которому противостоит «обороняющаяся демократия». На деле же эта оппозиция оказывается дискурсивной маской, за которой скрывается борьба капитализма, чемпионом которого выступает «золотой миллиард», с капитализмом всего остального человечества, в ходе которой каждая из сторон навешивает на противоборствующую отталкивающие ярлыки.

Дискурс не скупится на ритуально-символические речевые акты, хорошо заметные в *cancel culture*, поскольку он всегда апеллирует к ценностно-волевой сфере, он эмоционален, а его формы часто иррациональны. Тем не менее за всякой аксиологией и деонтологией можно легко обнаружить онтологию, которая должна вмещать в себя не только мир мышления — перед ней стоит задача — определить способ сопряжения мышления и эмпирии. Экономика касается эмпирии по преимуществу, она отражает конкретно-исторический способ решения витальных проблем в масштабах больших социальных организмов. Дискурс, существующий по поводу экономики в вербальном пространстве, подчиняется законам этого пространства, но не может не испытывать на себе давление витальной — в данном случае эмпирической — области бытия. Витальность прорывается сквозь дискурсивные конструкции, контрастно «подсвечивая» их спекулятивную пустоту и замкнутость. Когда дискурс «проговаривается» о витальном, это вызывает у сознания, привыкшего доверять дискурсивным конструкциям, чувство неловкости по поводу того, что оно сделалось неожиданным свидетелем признания. Например, признания евродипломатии в том, что Европа — это сад, а остальной мир — угрожающие ей джунгли [2], свидетельствующего о том, что западные гегемонизм и европоцентризм в кризисных обстоятельствах заставляют собой модные в спокойное время идеи инклюзивности, SJW (*social justice warrior*) или «зеленую» повестку. Впрочем, фрустрация по поводу этих признаний свидетельствует не только о законном чувстве возмущения, которое можно испытать, услышав их, но и понимании того обстоятельства, что капитализм пока не способен предложить иного выхода из кризиса, кроме экспансии и войны. Именно эти горькие рецепты должен «подслащать»

дискурс, отвлекая оптимистической риторикой от вызывающих пессимизм реалий. Последние же таковы, что витальные обстоятельства стран самозванного «либерального капитализма», как и обстоятельства стран, назначенных ими представлять «авторитарный капитализм», столь тесно переплетены друг с другом, что они могут либо вместе жить дальше, либо вместе погибнуть. *Tertium non datur*.

В связи с этим представляется любопытным то, как будет формироваться механизм этого сосуществования, особенно в условиях, когда политическая стабилизация находится в весьма отдаленной перспективе. Представляется, что уже сложившиеся и формирующиеся прямо сейчас способы минимизации экономического ущерба, который стремятся нанести друг другу оппоненты с помощью экономических санкций, логистических сложностей и тарифных барьеров, будут только усложняться, способствуя все большему уходу экономической жизни от прозрачности и скрупулезного соблюдения закона в противоположную сторону. Как минимум, это выражается в прямой декриминализации некоторых действий законодателем, как максимум, — в непрепятствовании им. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить закон о параллельном импорте, подписанный Президентом РФ 28 июня 2022 г., демонстрацию в российских кинотеатрах картин, не выходящих в официальный прокат или самовольное использование программного обеспечения. История разворачивается таким образом, что деяния, в иных обстоятельствах требующие правовой оценки и соответствующей пресекающей реакции со стороны государства, оказываются не только не несущими угрозу национальной экономике и экономической безопасности, но, напротив, способствуют ее адаптации к условиям беспрецедентного внешнего давления. В связи с этим действия законодателя должны быть направлены на то, чтобы обеспечивать поддержку субъектов экономической деятельности в обходе санкционных ограничений и их защиту от гиперреакции правоохранительных органов. Комплексная задача законодательной и исполнительной власти — провести страну через историческую турбулентность, гибко реагировать на ее вызовы и проявлять известное великодушие к тем организациям и гражданам, которые своей экономической активностью обеспечивают это сложнейшее дело сохранения суверенитета и борьбы за будущее.

Список источников

1. *Аристотель*. Поэтика // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М., 1983.

2. *Боррель* сравнил Европу с садом, а весь остальной мир — с джунглями. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16043897> (дата обращения: 09.02.2023).

С. Г. Симонов, И. В. Лысенко

Обеспечение правовой институциональной безопасности для экономики: аспекты, направления и уровни анализа

Модернизация экономики в условиях санкций и ограничений предполагает обеспечение правовой институциональной безопасности для ее участников, их взаимосвязей и процессов, в которых они участвуют. Данное обеспечение существенно снижает уровень криминогенности как в регионах, так и в национальной экономике в целом. Российскими учеными и специалистами определена теоретико-методологическая концепция институциональной модернизации системы экономической безопасности России [1, с. 8], но при этом остается предметом дискуссии само определение термина «правовая институциональная безопасность экономики».

По нашему мнению, было бы неправильно рассматривать институционализм как нечто принципиально новое, никоим образом не связанное с предшествующими экономическими школами учение. Институциональная экономика есть результат эволюции экономической науки в целом. Ее отдельные фрагменты можно обнаружить в работах классической, неоклассической и других экономических школ. С 60-х гг. XX в. и по настоящее время сама институциональная теория прошла в своем развитии целый ряд этапов, прежде чем стать стройной научной теорией [2, с. 40].

В полной мере это относится к методологии исследования такого феномена, как безопасность экономики. Наша задача — охарактеризовать в первом приближении векторы такой методологии в отношении исследования институциональной безопасности экономики.

С нашей точки зрения, правовая институциональной безопасность экономики состоит в отсутствии угроз (ошибок, препятствий, барьеров, противоречий) с помощью нормативно-правовых актов, мер по их реализации для взаимодействия участников экономики данной страны и других стран, а также их оптимальное снятие при возникновении. Термин немного громоздкий, поэтому предполагает дискуссию при дальнейшем исследовании.

Можно выделить, на наш взгляд, следующие аспекты анализа данного вида безопасности экономики:

- а) компоненты экономики (фирмы, предприятия, корпорации, экономики регионов и др.);
- б) отношения между участниками экономики (договорные, дисциплинарные, кооперационные и субординационные);
- в) области деятельности участников экономики;
- г) систему и структуру правовой институциональной безопасности;
- д) предпосылки, факторы и следствия институциональной безопасности и т. д.

К направлениям анализа правовой институциональной безопасности экономики можно отнести:

- а) трансакции и их основные виды;
- б) феноменологию организации (предприятия, фирмы, предпринимателей и их объединения);
- в) общественные (или групповые, коллективные) блага или их совокупности;
- г) институциональные структуры в экономике;
- д) формирование, закрепление и развитие (эволюция) иерархий правил и институтов (для участников экономики);
- е) институциональную среду взаимодействия участников экономики;
- ж) институциональный отбор (в рамках конкуренции и кооперации) для предпринимателей, работников, фирм и корпораций.

В рамках теоретико-методологической концепции институциональной безопасности России учеными определяется ряд направлений:

- формирование предметных границ институциональной парадигмы;
- выделение трансакции как типового отношения;
- введение в структуру уровней институционального экономического исследования трансакционного анализа (модельного, реализуемого в соответствующем «субъектном моделировании») уровня институционального паттерна (усвоения хозяйствующими субъектами значимых констант хозяйственного поведения [1, с. 14].

Думается, что данные направления вполне приемлемы и дополняют изложенные выше направления анализа институциональной безопасности экономики.

На наш взгляд, можно назвать уровни исследования обеспечения правовой институциональной безопасности экономики:

1) микроуровень (деятельность отдельного участника экономики, деятельность фирмы или группы фирм, корпорации) — первичный, или базовый, уровень взаимодействия участников экономики;

2) мезоуровень (корпорации как отрасли, подотрасли и отрасли в экономике) — вторичный, или производный, уровень взаимодействия на основе специализации, кооперирования, комбинирования участников экономики;

3) региональный (территориальный) уровень (экономика субъекта РФ или группы субъектов РФ, для других стран — в соответствии с их делением на территориальные единицы) — также производный уровень взаимодействия на основе специализации, кооперирования, комбинирования участников экономики, но в границах определенной территории внутри страны;

4) макроуровень (комплекс отраслей, экономика страны в целом, федеральных округов) — интегрированный уровень взаимодействия участников экономики в рамках одной страны, или межрегиональный уровень;

5) мегауровень (влияние экономики страны на зарубежные страны, экономика группы стран, мировая экономика).

Например, в мезоуровне можно выделить, по мнению специалистов, отраслевой аспект этой безопасности. Данный аспект может включать для исследования:

— мониторинг важнейших показателей, характеризующих эффективность реализации институциональной среды и структуры отрасли;

— постоянный контроль за результативностью использования данных инвестиций;

— необходимость дезагрегирования интенсивных и экстенсивных факторов развития территории как результат функционирования институциональной системы отрасли;

— корректировка факторов развития в сторону усиления интенсивного социально-экономического развития [3, с. 191].

Для обеспечения правовой институциональной экономической безопасности рядом ученых определяются угрозы, преодоление которых должно стать основной целью для дальнейшего развития отечественной экономики.

К ним относят:

а) оппортунистическое поведение экономических агентов, которое обусловлено информационной асимметрией и неопределенностью ситуации, усиливающейся в условиях макроэкономической нестабильности;

б) нечеткую спецификацию прав собственности, обусловленную в значительной степени незавершенностью структурных преобразований в экономике;

в) неравномерность распределения риска между экономическими агентами;

г) высокие издержки заключения и исполнения контракта;

д) низкие стимулы к выполнению условий контракта и др. [1, с. 15].

Для преодоления данных угроз требуется учитывать действие условий и факторов обеспечения правовой институциональной безопасности экономики регионов и России в целом. К этим условиям и факторам можно отнести:

а) формирование, закрепление и развитие нормативно-правовой культуры участников экономики (в системе школьного, средне-специального и высшего образования);

б) для действующих участников экономики расширение возможностей приобретения нормативно-правовых компетенций в рамках различных форм, программ, курсов повышения квалификации, переподготовки, дистанционного образования;

в) формирование, функционирование и развитие инфраструктуры бизнеса в городах, регионах, административных округах на временной или постоянной основе (систем бизнес-инкубаторов, стартапов, центров трансфера технологий и др.).

Список источников

1. *Антропова Т. Г.* Институционализация системы экономической безопасности современного Российского государства : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань, 2010.

2. *Экономическая теория: от ортодоксальной экономики до институционализма* : учебник / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова, И. В. Лысенко. Тюмень, 2017.

3. Угрюмова А. А., Паутова Л. Е., Капустина Т. А., Тюрина Л. М. Институциональная безопасность орошаемого сельского хозяйства России // Экономическая безопасность. 2019. Т. 2. № 3.

Н. В. Пушко

Правовой статус антикризисного управляющего при совершении им уголовно наказуемых деяний

На современном этапе развития финансовое состояние многих предприятий свидетельствует о том, что может значительно возрасти потребность в проведении процедур экономической несостоятельности, а это в свою очередь повысит необходимость пресечения противоправных действий на всех стадиях банкротства. Поэтому правовой системой должна быть предотвращена возможность возникновения ситуаций, при которых должник намеренно идет на банкротство, а также совершает действия, направленные на сокрытие имущества.

В настоящее время такая юридическая категория, как «правовой статус», не только является одной из наиболее фундаментальных, но, несомненно, и одной из самых сложных в современном правопонимании, что, безусловно, связано с проблемой уяснения феномена данной категории и роли субъектов в национальной правовой системе. Необходимо отметить, что при отсутствии единого подхода к однозначному пониманию этого явления отечественных ученых объединяет выделение в определении этого понятия таких основных элементов, как права и обязанности, закрепленные для антикризисного управляющего в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», которые он в процессе своей деятельности и должен реализовывать. Таким образом, в юриспруденции большинство специалистов, исследующих данную проблему, под правовым статусом понимают установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей. Исходя из изложенного, отметим, что точно определить правовой статус антикризисного управляющего представляется довольно сложным.

Существует достаточно много составов преступлений, субъектом которых может стать антикризисный управляющий, который является ключевой фигурой в производстве по делам об экономической несостоятельности, в связи с чем остро встает вопрос о добросовестности его действий. При этом в юридической литературе не прекращаются споры о правовом статусе антикризисных управляющих: являются ли они органами или пред-

ставителями юридических лиц либо самостоятельными субъектами права. От разрешения данного вопроса во многом зависит, могут ли антикризисные управляющие рассматриваться как субъекты преступлений против интересов службы, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена главой 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) [1].

Думается, что при определении правового статуса антикризисного управляющего необходимо исходить из того, что он в процессе своей деятельности имеет так называемый «двойственный статус», суть которого состоит в том, что в зависимости от того, какую роль в конкретных правоотношениях приобретает антикризисный управляющий, он реализует компетенцию, основанную на государственно-властных отношениях либо на полномочиях, проистекающих из частного права: он действует и как представитель государственной власти, и как субъект гражданских правоотношений.

Поэтому считаем, что уголовно-правовым решением существующего правового пробела может стать приравнение деятельности антикризисного управляющего в случае осуществления им публично-правовых функций (например, при принятии требований кредиторов и ведении их реестра, отчета перед кредиторами и экономическим судом, выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства и иных нарушений со стороны участников процедуры банкротства и др.) к деятельности должностного лица. Подтверждением этому может служить и правовая позиция, обоснованная

В. М. Хомичем, который в качестве должностного лица рассматривает «во-первых, только физических лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции; во-вторых, лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий; в-третьих, государственных служащих, имеющих право в пределах компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе» [2].

В настоящее время существует ряд составов преступлений, непосредственным субъектом которых может стать антикризисный управляющий: ст. 239 УК РБ «Соккрытие экономической несостоятельности (банкротства)», ст. 240 УК РБ «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)», ст. 241 УК РБ «Препятствование возмещению убытков кредитору

(кредиторам)». Во всех субъектом преступления является должностное лицо. Однако действующий состав преступления, предусмотренный, например ст. 241 УК РБ, имеет ряд существенных недостатков. Так, антикризисный управляющий в качестве субъекта уголовно наказуемого деяния по данному составу прямо в нем не закреплён, а лишь подразумевается в соответствии с законодательством о банкротстве.

При этом нельзя не отметить, что часто признаки ряда преступлений, таких как, например, ложное (ст. 238 УК РБ) или преднамеренное (ст. 240 УК РБ) банкротство, могут проявляться в защитном периоде, когда руководитель должника все еще осуществляет управление субъектом хозяйствования. В таком случае мы не можем рассматривать управляющего как субъекта указанных составов преступления, так как он не несет ответственности за сокрытие или отчуждение имущества, произведенное до того, как он приступил к непосредственному управлению предприятием.

Антикризисный управляющий в процессе своей деятельности также может совершить и иные преступления, предусмотренные уголовным законодательством, такие как мошенничество (ст. 209 УК РБ), присвоение или растрата (ст. 211 УК РБ), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК РБ), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК РБ) и др., в которых такой специальный субъект, как антикризисный управляющий, не предусмотрен. Поэтому приравнение его правового статуса к статусу должностного лица при осуществлении им организационно-распорядительных функций будет, на наш взгляд, соответствовать характеру и степени общественной опасности совершаемых противоправных деяний, которые могут иметь существенные правовые последствия в виде значительных убытков, причиненных как субъекту хозяйствования, так и государству в целом.

Таким образом, считаем, что элиминирование излишней корреляции административной санкции с гражданско-правовой (имущественной) ответственностью антикризисного управляющего, предусмотренной законодательством о финансовой несостоятельности, путем фактического упразднения административной ответственности непосредственно за правонарушения в сфере экономической несостоятельности является своевременным и необходимым средством исключения избыточного дуализма в контроле за реализацией управляющим своих функций в процедурах банкротства. В то же время придание антикризисному управляющему статуса должностного лица

(специального субъекта преступления) при осуществлении им противоправных деяний во время выполнения им публично-правовых функций будет не только средством исключения правового пробела, но и важным направлением противодействия криминальным банкротствам без кардинального изменения законодательства.

Список источников

1. *Уголовный* кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 11.02.2023).

2. *Хомич В. М.* Понятие должностного лица в уголовном праве. URL: <http://elib.bsu/handle/123456789/187259> (дата обращения: 11.02.2023).

Д. Б. Чернышев

Анализ документов бухгалтерского учета как метод выявления признаков финансовой пирамиды

Происходившие в 90-х гг. XX в. фундаментальные изменения в экономике государств постсоветского пространства, помимо прогрессивных рыночных отношений и гражданских свобод, принесли в том числе и негативные последствия, одним из которых стало появление большого количества организаций, строящих свои бизнес-модели по схеме финансовой пирамиды. Следует отметить, что способ хищения денежных средств путем привлечения займов под обещание заведомо недостижимой прибыли знаком человечеству достаточно давно. Некоторые исследователи относят первые упоминания о рассматриваемом явлении к началу XVIII в., однако в современном понимании так называемые «хайп-проекты» появились во второй половине прошлого века. В тот же период был принят общеупотребимый термин «финансовая пирамида» [1].

В связи с особенностями плановой экономики СССР возникновение подобных явлений в ней было значительно затруднено, в связи с чем отсутствовала потребность в научном изучении проблемы. В западной науке в связи с более богатой историей пирамидостроения данной теме традиционно уделяется значительное внимание со стороны юристов-экономистов, а также математиков. В качестве признанных экспертов в рассматриваемой области можно отметить таких авторов, как Д. Розенблум, У. Энсворд, Н. Дэвис.

Первые «хайп-проекты», появившиеся в России, показали впечатляющие результаты. В первую очередь это было связано с низким уровнем финансовой грамотности населения бывшего СССР. Так, печально известные пирамиды «Хопер-Инвест», «Властелина», «MMM» причинили имущественный ущерб миллионам граждан на суммы, исчисляемые в десятках миллиардов долларов США [2].

Современные финансовые пирамиды характеризуются сложными и разнообразными механизмами вовлечения в них потерпевших и ухода от уголовной ответственности. Большинство таких проектов часто мимикрируют под легальный бизнес, создают видимость осуществления хозяйственной (производственной, торговой) деятельности в целях сокрытия своей истинной сущности.

До 2016 г. для квалификации организации деятельности финансовых пирамид применялась ст. 159 УК РФ. Однако данная норма не позволяла предотвращать деятельность пирамид на начальном этапе, в связи с чем Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ [3] были криминализованы формальные действия, связанные с созданием такой структуры, не требующие в качестве обязательного условия наступление общественно опасных последствий в виде причинения вреда потерпевшим. По логике законодателя, применение ст. 172² УК РФ должно было предупреждать сам факт создания финансовых пирамид [4, с. 25]. При этом не теряет актуальности и ст. 159 УК РФ в случае, если создатели пирамиды успели причинить имущественный ущерб гражданам [5, с. 189].

Анализ открытых источников свидетельствует о том, что, несмотря на регулярное появление в СМИ сообщений о крахе очередной финансовой пирамиды («LotusMoney», «Миллионер», «NEFT», «STARWARS», «OrtexSuperCat», «WarCraft», «FROGS-GAME. ONE», «НОВОГОДНЯЯ ЕЛОЧКА», «El-Dorado», «MMM-2022»), судебная статистика показывает, что количество лиц, осужденных по ст. 172² УК РФ, колеблется от одного до 10 в год [6]. Полагаем, что причиной этому выступают проблемы не уголовно-правового либо процессуального характера, а именно криминалистические, связанные с доказыванием деятельности по привлечению денежных средств и выплате дохода за счет вновь привлеченных средств, при условии отсутствия какой-либо предпринимательской деятельности [7, с. 70].

Данное обстоятельство порождает определенные трудности в работе оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел по

своевременному выявлению финансовых пирамид и пресечению их незаконной деятельности. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть некоторые вопросы, касающиеся проведения первоначальных оперативных мероприятий и следственных действий, направленных на установление общих признаков, перечисленных в диспозиции ст. 172² УК РФ, на этапе анализа документов бухгалтерского учета. В ходе изучения финансового состояния организации ряд сведений, отраженных в применяемой системе автоматизированного бухгалтерского учета «1С» (либо аналогах), позволяет выявить признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ. К таковым относятся: привлечение денежных средств, отсутствие инвестиционной деятельности, выплаты за счет вновь привлеченных средств.

Остановимся подробнее на каждом из приведенных признаков.

В системе бухгалтерского учета привлечение денежных средств от граждан отражается, как правило, по нескольким счетам: получение займов от физических лиц в кассу (счет 50Дт, 66 или 67Кт); получение займов от физических лиц на расчетный счет (счет 51Дт, 66 или 67Кт); поступление расчетов по прочим договорам (счет 50 или 51Дт, 76Кт). Сведения об инвестиционной деятельности организации содержатся, как правило, на счетах: Основные средства (счет 01 Дт); вложения во внеоборотные активы (счет 08Дт); финансовые вложения (счет 58Дт); основное производство (счет 20Дт). Выплата по вкладам, как правило, отражается по счетам: займы от физических лиц (счет 66 или 67Дт, 50 или 51Кт); расчеты по прочим договорам (счет 76Дт, 50 или 51Кт).

При проведении объективного анализа финансового состояния организации на предмет выявления первичных признаков финансовой пирамиды сначала необходимо запросить оборотно-сальдовые ведомости по всем бухгалтерским счетам, ведущимся в организации, за интересующий период, а также карточки перечисленных выше счетов.

В ходе анализа оборотно-сальдовой ведомости внимание должны обращать на себя сведения о значительных суммах оборота по счетам 50Дт и 66Кт, отражающим сведения о поступлении средств от вкладчиков, и, соответственно, по счетам 66Дт и 50Кт. Сальдо между указанными величинами отражает фактический объем денежных средств, выводимых из оборота, а общий оборот — объем привлеченных денежных средств. На отсутствие

инвестиционной деятельности указывает отсутствие оборота (либо незначительные суммы проводок) по счетам 01Дт, 08Дт, 58Дт, 20Дт.

В качестве наиболее распространенных способов вывода денежных средств из финансовой пирамиды являются выдача в подотчет (счет 71), перевод на счет «Денежные средства в пути» (счет 57), а также расчеты по консультационным и иным договорам (счет 60). Наличие значительных оборотов по указанным счетам может свидетельствовать о выводе денежных средств как конечного этапа хищения.

Сама по себе полученная в ходе анализа бухгалтерской документации информация, безусловно, не может выступать основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 172² УК РФ. Тем не менее полагаем, что она может указать направление для проведения дальнейших оперативно-следственных мероприятий. К таковым можно отнести запрос и анализ карточек счетов, изъятие документов первичного бухгалтерского учета (авансовые отчеты, кассовые документы, счета-фактуры и т. д.).

По нашему мнению, приоритетной задачей правоохранительных органов в деятельности по противодействию преступности выступает выявление преступлений на стадии приготовления. Успешное выполнение данной функции служит предотвращению причинения ущерба гражданам, в связи с чем расширение практики применения ст. 172² УК РФ видится эффективным инструментом профилактики возникновения и деятельности финансовых пирамид.

Список источников

1. URL: <https://allkredits.com/zakony/moshennichestvo/finansovye-piramidy/istoriya-finansovyh-piramid> (дата обращения: 02.02.2023).

2. URL: https://tsargrad.tv/articles/piramida-mavrodi-final-afery-veka_120712 (дата обращения: 17.02.2023).

3. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Князьков А. А.* О некоторых вопросах уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам (ст. 172² Уголовного кодекса РФ) // Научно-практические исследования. 2020. № 12–7(35).

5. *Гладких В. И.* К вопросу об обоснованности криминализации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного иму-

щества (статья 172² УК РФ) // Научные исследования: векторы развития : сб. мат-лов III междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018.

6. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.02.2023).

7. *Чернышев Д. Б.* Профилактика сотрудниками органов внутренних дел создания финансовых пирамид на районном уровне // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXV междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2022.

РАЗДЕЛ II. ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ. 12 МАРТА 2024 г.)

В. В. Бабурин

**Проблема киберпреступлений против собственности в России
и странах СНГ**

Имущественная преступность традиционно определяет общую направленность всей преступности в Российской Федерации и во многих других странах. При этом одной из особенностей последних лет является значительное увеличение доли преступлений против собственности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Одной из характерных особенностей таких преступлений выступает то, что, исходя из их информационно-телекоммуникационной сущности способа совершения, они связаны с трансграничными возможностями совершения хищений на территории любого государства, с территории любого государства в отношении любого другого государства [1, с. 96].

Это обстоятельство требует взаимодействия многих стран в борьбе против имущественной киберпреступности. В современных условиях специальной военной операции, проводимой Россией, такое взаимодействие возможно не со всеми государствами мира. Это актуализирует необходимость взаимодействия с дружественными странами, странами Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), имеющими опыт борьбы с киберпреступностью и имущественной киберпреступностью.

В СНГ входят десять стран: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Белорусская Республика, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан.

В условиях устойчивого роста преступлений в сфере информационных технологий на территории государств — участников СНГ происходит консолидация усилий правоохранительных органов стран Содружества по ряду направлений международного взаимодействия. Одобрены и активно реали-

зуются международные документы (соглашения, концепции, программы) о сотрудничестве государств — участников СНГ как в области обеспечения информационной безопасности, так и в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий. При этом важность представляет Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. [2].

Вместе с тем в связи с появлением в настоящее время новых способов совершения преступлений в сфере информационных технологий ситуация в этой области такова, что приходится говорить о недостаточности принятых мер по их противодействию [3, с. 3]. Особенно остро обозначилась проблема, связанная с тем, что криминальные структуры в странах СНГ активизируют попытки использования информационных технологий для совершения посягательств на собственность, имущественные интересы, интересы собственности. Конечно, в странах СНГ это происходит по-разному, но общая тенденция налицо.

Данная преступность в настоящее время в целом определяет структуру современной киберпреступности, поскольку наибольшее количество преступлений (порядка 82%), совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, составляют разного рода хищения (мошенничество, кража) [4, с. 13].

М. Н. Белоусова, В. А. Белоусов и О. М. Данилина, анализируя данные за период с 2019 по 2022 гг., отмечают рост числа следующих преступлений: совершенных с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт (на 79%), программных средств (на 21%), фиктивных электронных платежей (на 12%), сети Интернет (на 34%), средств мобильной связи (на 29%), мошенничество в сфере информации (на 41%), изготовление порнографических материалов (на 28%), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (на 33%), неправомерный доступ к компьютерной информации (на 18%) [5, с. 43]. А если говорить о преобладающих в структуре киберпреступности хищениях, то в 85% случаев это хищение денежных средств с расчетных счетов граждан (так называемые интернет-мошенничества) [6, с. 109].

Страны Содружества являются разными по населению, по территории, уровню социально-экономического развития, что влияет на их информаци-

онно-технологическое развитие, цифровизацию и диджитализацию и состояние киберпреступности в имущественной сфере.

Обращаясь к опыту цифровизации стран СНГ, следует привести их распределение по уровню цифровизации и диджитализации (индекс E-Government Development Index, EGDI). Индекс развития электронного правительства — комплексный показатель, характеризующий уровень развития электронного правительства в странах мира. Исследование охватывает страны — члены ООН и содержит данные об уровне развития электронного правительства, а также системную оценку тенденций в использовании информационно-телекоммуникационных технологий государственными структурами. Этот индекс оценивает готовность и возможности национальных государственных структур в использовании информационно-коммуникационных технологий для предоставления гражданам государственных услуг. Исследование проводится в целях изучения развития как самого института электронного правительства, так и инновационных тенденций в общественно-политических системах государств в целом.

Все страны, охваченные данным исследованием, ранжируются на основе взвешенного индекса оценок по трем основным составляющим: степень охвата и качество интернет-услуг, уровень развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, человеческий капитал.

Так, согласно проведенным исследованиям среди 193 государств, входящих в мониторинг ООН, страны СНГ располагаются следующим образом: Казахстан — 28-е место, Россия — 42-е место, Беларусь — 58-е место, Армения — 64-е место, Узбекистан — 69-е место, Молдова — 72-е место, Киргизия — 81-е место, Азербайджан — 83-е место, Таджикистан — 129-е место, Туркменистан — 137-е место [7].

Следует отметить, что рост цифровизации сказывается и на уровне киберпреступности. Статистические данные свидетельствуют, что в странах СНГ с более высоким уровнем цифровизации отмечается в целом и более высокий уровень имущественной киберпреступности. Учитывая это, странам СНГ с низким уровнем киберпреступности необходимо обратить внимание на опыт стран СНГ с высоким уровнем киберпреступности, для того чтобы иметь возможность в будущем спрогнозировать негативные тенденции.

Исходя из этого, есть необходимость в настоящее время активно изучать сложившуюся ситуацию с киберпреступностью и опыт противодей-

ствия ей в странах с высоким уровнем цифровизации, таких как Казахстан и Россия.

Характеризуя криминальную обстановку по линии киберпреступности в имущественной сфере, нужно отметить, что в России и Казахстане отмечается увеличение преступлений против собственности, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и, как следствие, рост причиненного ущерба собственникам.

Так, в Российской Федерации в 2023 г. кибермошенники похитили 15,8 млрд рублей у россиян. Злоумышленникам удалось провести 1,17 млн успешных операций, что на 33% больше, чем в 2022 г. При этом банки в 2023 г. смогли отразить 34,8 млн попыток похитить деньги граждан. Самым популярным инструментом мошенников остаются банковские карты, через них было похищено 7,12 млрд рублей.

Центральный Банк РФ отмечает, что больше всего денег было похищено с кредитных карт, с помощью которых было совершено 984 800 мошеннических операций, в результате которых похищено 7,12 млрд рублей. В результате потери клиентов банков увеличились на 11,5%. Использование чувствительных данных увеличивает риск кражи как собственных накоплений граждан, так и средств, полученных в кредит под влиянием мошенников [8].

В 2023 г. интернет-мошенники нанесли казахстанцам ущерб более чем на 17,5 млрд тенге. При этом самым распространенным видом обмана стали случаи, когда деньги или аванс получают за нереальные товары или услуги, предлагаемые в онлайн-объявлениях, затем следуют звонки, совершаемые под видом банковских сотрудников, на третьем месте — оформление микрокредитов через интернет [9].

Как отмечают исследователи, среди преступлений против собственности наиболее злободневными являются хищения чужого имущества, совершаемые с использованием электронных средств платежей [10, с. 77].

В заключение необходимо подчеркнуть, что предварительный анализ современной криминологической ситуации с имущественной киберпреступностью в России и Казахстане свидетельствует о назревшей необходимости совершенствования правовых, организационных и технических мер и в других странах СНГ, которые позволят им отвечать будущим актуальным вызовам киберпреступности, обеспечив теоретическую и практическую основы деятельности правоохранительных органов всех стран СНГ.

Список источников

1. *Карабеков К. О.* Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: «История и право». 2022. № 5. Т. 12.
2. *О ратификации* Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий : федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 237-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Новые* способы совершения преступлений в сфере информационных технологий на территории государств — участников СНГ: аналитический обзор ВНИИ МВД России / И. Б. Колчевский, В. М. Журавлев, А. Г. Кузнецов [и др.]. М., 2018.
4. *Волков Р. А.* Современное состояние транснациональной преступности на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств в условиях глобализации информационного пространства // Стратегические аспекты сотрудничества органов внутренних дел (полиции) стран Содружества в противодействии транснациональной преступности в контексте развития информационного общества под эгидой Совета министров внутренних дел государств — участников Содружества Независимых Государств : сб. тезисов междунар. науч.-практ. конф. М., 2022.
5. *Белоусова М. Н., Белоусов В. А., Данилина О. М.* Статистический анализ тенденций развития киберпреступности в условиях современной экономики // Развитие территорий. 2022. № 4.
6. *Прокофьева Т. В.* Совершенствование противодействия киберпреступности на пространстве Содружества Независимых Государств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4(849).
7. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index> (дата обращения: 09.02.2024).
8. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/506131-kibermosenniki-ukrali-pochti-16-mlrd-rublej-u-rossian-v-2023-godu> (дата обращения: 25.02.2024).
9. URL: <https://dzen.ru/a/ZY1FUm-eyAyHCJsR> (дата обращения: 25.02.2024).
10. *Абдулвалиев А. Ф.* Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография. Тюмень, 2021.

Н. В. Высоцкая

Платформенные бизнес-экосистемы: угрозы и возможности

В XXI в. ряд факторов повлиял на экономическую деятельность и привел к формированию и развитию информационно-технологических платформ [1, с. 18; 2] и бизнес-экосистем [3, с. 160; 4]. Прежде всего это прорывные технологические инновации. Оказали существенное влияние и факторы глобального характера (например, снятие географических барьеров со стороны спроса), а также значительное снижение возможностей традиционных бизнес-моделей, сценариев и т. п.

Бизнес-экосистема — это проекты одной компании, связанные между собой таким образом, чтобы между ними достигался синергетический эффект. Польза от достижения этого синергетического эффекта должна быть как для пользователей, так и для владельца экосистемы; это также набор инструментов, которые позволяют компании меньше тратить (например, на маркетинг) и больше зарабатывать с одного клиента, но не за счет повышения цен, а путем предоставления ему более широкого набора услуг.

Как правило, внутри компании выделяют пять слоев экосистемы.

Первый слой — это восприятие: по виду проекта клиент должен сразу понять, к какой экосистеме он относится.

Второй слой — пользовательский опыт: единая авторизация, передача данных между проектами, подтягивание пользователю нужного контента в нужном месте, кросс-интеграция сервисов.

Третий слой — партнерские платформы, которые создает компания. Партнер может, загружая на платформу свой контент или товарные предложения, сразу опубликовать их на всех площадках, где это релевантно.

Четвертый слой — внутренние общие технологии, которые, будучи разработанными один раз, используются во многих местах экосистемы. Это может быть мессенджер, видеоплеер и т. д. Снаружи этого единства может быть не видно, но для бизнес-структуры этот слой очень важен.

Пятый слой — большие данные. Их необходимо использовать для удовлетворения потребностей пользователя и проектов компании, уметь безопасно хранить, защищать, анализировать и т. д.

Экосистема не зарабатывает напрямую, но положительно влияет на все продукты, входящие в нее. За счет того, что все сервисы связаны между собой, снижается стоимость привлечения клиента (CAC — customer acquisition cost) в каждый следующий сервис экосистемы.

Партнер полностью войти в экосистему не может: часть технологий, которые компания использует внутри себя, остается для него недоступной. Хотя участие в экосистеме для партнеров бесплатное, компания не работает себе в ущерб: чем больше сервисов привязано к экосистеме, тем больше выбор у пользователя, а от этого выше его лояльность. В этом случае с партнерами осуществляется взаимовыгодное сотрудничество (win-win).

У экосистемы может быть или единый сервисный центр или она может состоять из равноправных сервисов. Вместе с тем в любом бизнесе один из сервисов появляется первым. Именно этот сервис, как правило, становится локомотивом и ядром экосистемы.

В компании может быть множество проектов, у которых нет единой авторизации. В перспективе их обычно планируют объединить в экосистему с помощью единого идентификатора ID, а затем закрепляют созданное объединение на основе единой платежной системы.

Особенностями платформенных бизнес-моделей экосистем являются такие их свойства, как ориентация на быстрый набор клиентской базы, активизация позитивных сетевых эффектов, эффект экономии на масштабе, поддержание ориентации клиентов оставаться в бизнес-экосистеме, формирование и анализ массивов данных о клиентах, использование результатов анализа этих данных для маркетинговой деятельности и выхода платформ на новые сегменты рынка.

Все это вместе создает существенные условия для развития и доминирования платформенных бизнес-систем в экономике, часто формируя при этом благоприятную ситуацию для роста их рыночной силы и усиления их влияния настолько, что они становятся на рынке не только доминирующими структурами, но и практически неуничтожаемыми.

Следовательно, в этих условиях в экономике растет роль в перераспределении ресурсов как платформ, так и бизнес-экосистем: происходит «платформизация» экономики.

Бизнес-экосистема, как правило, состоит из совокупности нескольких платформ, на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги, часто включая и офлайн-сервисы через офисную сеть [1, с. 15]. Так, одни крупнейшие бизнес-экосистемы развивают богатый набор сервисов для удовлетворения большинства основных потребностей людей — потенциальных клиентов (например, покупка или аренда жилья, пассажирские перевозки, путешествия, мобильная связь, услуги

здравоохранения и образования, социальные сети, финансовые продукты и т. д.). Другие бизнес-экосистемы концентрируют свою деятельность вокруг предоставления одного или нескольких сервисов (например, бизнес-экосистема недвижимости может включать услуги в области ипотеки, ремонта, клининга, дизайна и т. п.) [1, с. 15]. При этом клиентами бизнес-экосистем могут быть как физические, так и юридические лица, для которых бизнес-экосистема формирует базу данных и на основе ее анализа составляется единый «профиль клиента» (обобщение сведений обо всех его приобретениях в бизнес-экосистеме) и осуществляется использование результатов анализа этих данных для адресного предложения клиенту товаров и услуг [3, с. 156].

Вместе с тем все увеличивающийся рост рыночной силы бизнес-экосистем порождает новые риски для экономики, наиболее типичными для 20-х гг. XXI в. считают следующие:

- риски для клиентов экосистем как физических лиц;
- риски для физических лиц, не являющихся клиентами экосистем;
- риски для поставщиков — участников экосистем, производящих услугу или продукт;
- риски для поставщиков услуг или товаров, не вошедших в экосистемы;
- риски для экономики в целом;
- риски монополизации технологических решений [1, с. 17; 3, с. 157].

Возникшие риски для клиентов экосистем как физических лиц обусловлены чаще всего тем, что информационно-технологические платформы все больше определяют правила игры в экономике, а не являются, как прежде, исключительно базами информационных ресурсов.

Развитие экосистем может порождать новые риски как для участников бизнес-экосистем, так и для других экономических субъектов и даже для экономики в целом. Более того, некоторые бизнес-экосистемы вышли за пределы своего национального рынка и стали глобальными бизнес-экосистемами, осуществляя свою деятельность по всему миру.

Типичными рисками в настоящее время стали риски недобросовестной конкуренции и монополизации отдельных сегментов рынка, риски дискриминации участников бизнес-экосистемы, риски монополизации технологий, риски неправомерного использования персональных данных клиентов, риски недостаточного уровня информационной безопасности

и защиты от мошенничества, а также риск зависимости страны от мировых рынков в сфере технологий, критически важных для развития ее экономики, стратегических отраслей, а также платформенных бизнес-экосистем.

Как известно, обеспечение технологического суверенитета направлено прежде всего на создание и развитие конкретных отраслей, производящих высокотехнологичную продукцию (например, в 2023 г. микроэлектроника была импортозависима на 92%).

Для того чтобы производители и разработчики быстрее начинали новые проекты и выводили свою продукцию на рынок, целесообразно иметь регулярно действующий триггер со стороны государства, а также универсальный и обязательный механизм реализации всех этих проектов на основе следующих принципов:

- создания конкретной линейки продукции с четкими характеристиками, причем с акцентом именно на готовую продукцию и с выходом для ее реализации на платформу и/или на платформенную бизнес-экосистему;

- применение формата государственно-частного партнерства как фактического взаимодействия власти и бизнеса с использованием ресурсов цифрового государства и цифровой экономики;

- обеспечения механизма гарантированного спроса как со стороны государства, так и со стороны частного сектора с использованием цифровых ресурсов экономики и государства;

- качественно нового подхода к формированию особого, более эффективного цифрового управления реализацией проекта на основе использования результатов анализа консолидированного межотраслевого спроса и реального участия государства не только в предоставлении субсидий, но и в принятии цифровых решений по их расходованию [2].

Важнейшим ресурсом для развития платформизации и платформенных бизнес-экосистем являются генерация, обмен, использование результатов анализа данных. Для этого требуется новая концепция подготовки кадров, включающая формирование компетенций по работе с базами структурированных и неструктурированных данных, по их обработке и аналитике; умение принимать цифровые и нетривиальные решения, получаемые с применением технологий искусственного интеллекта; способности быстрой переквалификации на основе сформированного в процессе предыдущего обучения «конструктора знаний и компетенций».

Все это даст необходимый импульс для успешного развития национальных платформенных бизнес-экосистем, базирующихся на технологических, инновационных и поведенческих изменениях, и приведет к качественной позитивной перестройке бизнеса (основа национальной экономики) и сформирует процесс цифровой и платформенной трансформации национальной экономики России.

Список источников

1. *Паркер Дж., Ван Альстин М., Чаудари С.* Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М., 2017.
2. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/03/19/1026479-v-pravitelstve-predlozhili-12-natsproektov-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 20.03.24).
3. *Благов Е. Ю., Кулаева Н. И.* Платформенные бизнес-модели компаний экосистемы Национальной технологической инициативы // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1.
4. URL: <http://denreymer.com/business-ecosystem> (дата обращения: 10.02.2024).

Н. М. Журавлева

Уголовно-процессуальные аспекты противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием ИТ-технологий, на стадии предварительного расследования

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии являются неотъемлемой частью жизнедеятельности человека. Они позволяют экономить время, заключать сделки, совершать покупки, получать образование посредством прохождения дистанционного обучения и др. Однако при наличии множества положительных и полезных сторон имеют место и отрицательные. Среди них следует отметить применение указанных технологий при совершении киберпреступлений, в том числе мошенничеств (ст. ст. 159³, 159⁶ УК РФ).

Так, за 12 месяцев 2023 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано на 29,7% преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, это больше, чем за аналогичный период прошлого года. Речь идет о каждом третьем уголовно наказуемом деянии [1].

Под противодействием мошенничеств, совершаемым с использованием ИТ-технологий, нами понимается деятельность по их выявлению, предупреждению, пресечению и профилактике.

Существует ряд проблем, препятствующих эффективному противодействию кибермошенничествам, к ним относятся:

— несвоевременное выявление фактов мошенничества, совершаемых с использованием ИТ-технологий, в связи с отсутствием заявления лица, в отношении которого совершено преступление, либо обращением в правоохранительные органы спустя некоторое время. В качестве основных причин можно назвать нежелание пострадавших предавать огласке информацию о преступлении по разным мотивам: утрата деловой репутации, стыд и самосудение в результате осознания собственной доверчивости и наивности, отсутствие веры в то, что мошенничество будет раскрыто, виновный понесет наказание и возместит причиненный ущерб. Если же рассматривать случай обращения в правоохранительные органы по истечении некоторого периода времени, то пострадавший, вероятней всего, не осознавал, что стал жертвой мошенников либо самонадеянно желал самостоятельно разрешить сложившуюся ситуацию;

— несвоевременное возбуждение уголовного дела. К сожалению, органы предварительного расследования неохотно возбуждают уголовные дела о кибермошенничествах ввиду того, что их раскрытие происходит не часто;

— ненадлежащее материально-техническое обеспечение. Речь идет об отсутствии надлежащего высокотехнического оснащения, позволяющего не только выявить факт противоправного деяния, но и провести экспертное исследование, которое позволило бы получить дополнительные доказательства по уголовному делу;

— систематическое появление новых способов совершения мошенничеств с использованием ИТ-технологий, а именно шифрования и сокрытия данных преступника, применение ранее неизвестных методов и противоправных действий;

— ограниченные возможности сотрудников правоохранительных органов, обусловленные отсутствием специальных знаний (образования) в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, которые отрицательно влияют на поиск и оценку доказательств преступного события.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, сложившейся правоприменительной практики противодействия кибер-

мошенничествам на стадии предварительного расследования позволяет выделить несколько направлений борьбы с данными преступлениями:

— информирование граждан о фактах совершения мошенничеств с использованием IT-технологий посредством размещения сведений, не содержащих тайну предварительного расследования, в средствах массовой информации и на официальных сайтах правоохранительных органов (органов внутренних дел, прокуратуры и судов) в сети Интернет. Органы предварительного расследования в целях выявления новых фактов общественно опасных противоправных деяний и получения от граждан заявлений о совершении преступлений описывают уже зарегистрированные и расследуемые преступные события;

— использование подсистемы программно-технического комплекса интегрированного банка данных коллективного пользования федерального уровня «Дистанционное мошенничество» в целях информационно-аналитического обеспечения мероприятий по выявлению, раскрытию и расследованию IT-преступлений, введенной в эксплуатацию в апреле 2020 г. [2]. Функциональные возможности указанного программного обеспечения позволяют территориальным органам МВД России проводить анализ информации в целях выявления региональных и межрегиональных совпадений (номеров телефонов, банковских карт, банковских счетов, электронных кошельков, IMEI-номеров телефонов). Информационная модель позволяет выдвигать версии раскрытия и расследования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий [3]. Детально возможности данной подсистемы изложены не только в ведомственных нормативных правовых актах, но и в научной статье А. А. Кузнецова [4, с. 24];

— вынесение в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона, которое согласно ч. 4 ст. 21 УПК РФ обязательно для исполнения всеми (юридическими лицами — предприятиями, организациями, учреждениями, должностными лицами и гражданами). Установив причины и условия совершения кибермошенничества, следователем (дознавателем) подготавливается и направляется представление. Оно, в свою очередь, должно быть в обязательном порядке рассмотрено адресатом с последующим уведомлением правоохранительных органов о принятых мерах;

— проведение профилактических бесед с участниками расследуемого уголовного дела (потерпевшим и свидетелями) с разъяснением порядка дей-

ствий в целях предупреждения мошенничеств с использованием ИТ-технологий в отношении указанных лиц;

— привлечение при производстве следственных действий (осмотров компьютерной техники, планшетов, сайтов, сотовых телефонов; допросов потерпевших и подозреваемых) специалистов в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в целях обнаружения следов кибермошенничеств, определения способов и порядка действий совершения противоправных деяний, установления иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 73 УПК РФ).

Вполне логично, что приведенный выше перечень способов противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием ИТ-технологий, не является исчерпывающим. Все зависит от обстоятельств, установленных в рамках расследования конкретного уголовного дела.

Кроме того, считаем, что в целях повышения эффективности противодействия кибермошенничествам нельзя обделять вниманием вопрос о систематическом прохождении следователями (дознателями) курсов повышения квалификации по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий. Это обусловлено не только тем, что злоумышленники владеют знаниями в сфере телекоммуникационных технологий, но и совершенствуют свою преступную деятельность, придумывая и используя новые способы противоправных действий.

Более того, считаем целесообразным создание единого банка данных, содержащих вступившие в законную силу приговоры суда и иные решения (постановления о прекращении уголовного дела) по уголовным делам о киберпреступлениях.

Подводя итог изложенному, можно отметить, что в настоящее время существуют и применяются органами предварительного расследования при производстве по уголовным делам большое количество способов и мер противодействия мошенничествам, совершенным с использованием ИТ-технологий. Однако в целях повышения эффективности борьбы с указанными преступлениями необходимо совершенствовать и материально-техническое обеспечение органов внутренних дел, систематически повышать компетентность следователей (дознателей), рассмотреть возможность создания подразделения в системе МВД России, в состав которого будут входить специалисты, владеющие познаниями в сфере телекоммуникационных технологий, которые будут работать либо сопровождать производство по уголовным делам след-

ственно-оперативных групп, специализирующихся на раскрытии и расследовании киберпреступлений на постоянной основе.

Список источников

1. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19934623> (дата обращения: 03.03.2024).
2. *О вводе в эксплуатацию подсистемы «Дистанционное мошенничество»* ПТК «ИБД-Ф» : приказ МВД России от 22 апреля 2020 г. № 236. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество»* ПТК «ИБД-Ф» : приказ МВД России от 29 декабря 2020 г. № 925. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Кузнецов А. А.* Возможности подсистемы ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество» в рамках расследования уголовных дел по преступлениям, совершенным дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023.

В. Ю. Карпычев, Д. А. Ляхманов

Использование искусственного интеллекта в социальной инженерии: новый способ мошенничества

Социальная инженерия с использованием технических средств — один из распространенных способов мошенничества. При этом доля телефонного мошенничества в общем объеме кибермошенничества составляет 90%. Так, по оценкам Сбербанка России, в 2022 г. граждане получали в сутки около 5 млн звонков мошеннического характера. В 2023 г. это число выросло до 8,6 млн [1]. Ущерб, причиненный россиянам, измеряется миллиардами рублей [2]. Издательский дом «Коммерсантъ» сообщает, что в России с начала 2024 г. наблюдается рост использования инструментов аудиоподлога в мошеннической схеме FakeBoss, что позволяет злоумышленникам совершать звонки с подменой голоса [3].

Потерпевшие добровольно перечисляют и отдают деньги мошенникам, поддаваясь их психологическому воздействию. Часто в схемах задействуют курьеров, которые могут встретиться с клиентом лично и получить доступ к денежным средствам, хранящимся дома у потерпевших.

Преступники учитывают значимые события или аффилированные данные, которые отражаются в схемах мошенничества. Следует отметить, что, как правило, используются традиционные методы социальной инженерии: психологическое давление, показательная вовлеченность в жизнь жертвы мошенничества и другие приемы. Но в ближайшем будущем мошенники массово освоят более сложные технологии, например, аудио- и видеодипфейки (подлоги).

Дипфейк (deepfake) — сложный термин, получивший свое название от одноименного нейросетевого комплекса, который впервые смог сгенерировать подложное видео экспертного качества. Его содержание можно раскрыть через понятия «глубинное обучение» (deep learning) и «подделка» (fake). По сути, дипфейк — это метод синтеза контента, основанный на машинном обучении и искусственном интеллекте.

В основе технологии генерации дипфейков лежат методы обработки аудио- и видеозаписей с использованием искусственных нейронных сетей и адаптивных моделей. Искусственный интеллект может изменять голос на аудиозаписи так, что его практически невозможно отличить от оригинального голоса. С технической точки зрения это задача синтеза речи, со всеми ее характерными особенностями. Данную технологию называют технологией клонирования голоса (voice changing, voice cloning).

Нормативно закреплённого понятия дипфейка не существует. Поэтому приведем одну из доктринальных версий, сочетающую как правовые, так и технологические характеристики инструмента. «Дипфейк представляет собой цифровой продукт в виде звука, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом» [4, с. 30].

Существуют несколько вариантов использования аудиодипфейков для совершения мошеннических действий, в том числе телефонные обращения злоумышленников с просьбами о помощи, как правило, финансовой.

В настоящее время в данной области присутствуют два подхода: клонирование голоса (voice clonning) и модификация голоса (voice conversion). Первый подход заключается в создании устойчивой математической модели, которая позволит генерировать речевой аудиопоток на основе текстовой или аудиоинформации (по записи) по разомкнутому принципу.

Второй подход подразумевает не полную генерацию, а изменение первоначальных аудиоданных, содержащих речь, и, что важно, в реальном времени, например, во время «живого» телефонного разговора злоумышленника с жертвой.

Клонирование голоса позволяет добиться точного совпадения частотных и фазовых особенностей речи человека, но в рамках данного подхода имеются сложности с копированием интонации, сохранением поведенческих и семантических особенностей человека. К тому же для качественного копирования голоса человека необходимо подготовить датасет с 10–30-минутным примером звучания голоса, а само создание голосовой модели потребует 3–4 часов реального времени (при использовании двух видеокарт RTX 3060 Ti и Intel Core) [5]. Однако стоит принять во внимание стремительный рост технических решений, основанных на элементах искусственного интеллекта, увеличение производительности вычислительных средств и повышение их доступности.

Подход, связанный с модификацией «живой» речи одного человека в целях придания ей не только частотно-фазовых характеристик речи другого человека, но и, в отличие от клонирования голоса, сохранения интонации и поведенческих особенностей говорящего, является более пригодным для генерации дипфейков. Именно он перспективен ввиду относительно низкой ресурсоемкости и сохранения интонационно-эмоциональной окраски речи.

В последние годы инструменты с применением подхода к модификации голоса стали появляться в общем доступе. Так, компания Voicemode выпустила (2022) бета-версию инструмента AI Voices, позволяющего в реальном времени изменять голос пользователя. Приложение построено на базе технологий машинного обучения [6].

Противодействие мошенническим дипфейкам. Эффективнее всего предотвращать мошенничество на ранних стадиях реализации угрозы. Мы не рассматриваем (хотя не отрицаем) рекомендации по выявлению дипфейков, ориентированные на собственные возможности человека, в силу их ограниченности, например, такие: «обращать внимание на качество звучания, неестественную монотонность голоса, неразборчивость речи, шумы и т. д.» [7]. Но тогда возникают вопросы: можно ли иначе отличить реальный голос от клонированного? Есть ли методы технического выявления использования дипфейков?

Для ответа на эти вопросы проводится множество исследований [8], IT-компании предлагают защитные решения. В качестве примера приведем работу, проведенную в Школе информации при Калифорнийском университете в Беркли [9]. Были апробированы три подхода для анализа аудиозаписей реальных и фейковых голосов, которые показали близкую частоту ошибок от 0% до 4%.

Однако любая методика голосового подлога не является самостоятельной методикой мошенничества, а лишь вспомогательным инструментом, устраняющим главный фактор верификации звонящего — индивидуальные голосовые особенности. Для большинства людей узнаваемость голоса является одним из приоритетных способов верификации собеседника при отсутствии зрительного контакта, в то время как номер телефона, речевые и поведенческие особенности отходят на второй план, вызывая лишь легкую настороженность. Таким образом, основные атакующие методы сводятся к социальной инженерии, поддержанной технологиями изменения голоса.

Соответственно и защита от подобных угроз основывается на базовых подходах к противодействию социальной инженерии, дополненных исключением голосовых особенностей в качестве аутентификационного признака говорящего.

Уязвимыми остаются люди, часто неосведомленные и доверчивые. Для обычных граждан применение разрабатываемых технических средств защиты от дипфейков вообще представляется нереальным в силу их сложности и высокой стоимости. Единственной, на наш взгляд, возможностью является повышение грамотности человека и психологической готовности к противодействию исследуемой угрозе. Но и эти возможности существенно ограничены для пожилых людей.

Расследование дипфейк-преступлений сопряжено с теми же особенностями и трудностями, что и мошенничество с использованием сотовой телефонии [10, с. 96]. При этом следует отметить характерный нюанс такого расследования — необходимость доказывания использования в мошеннической схеме дипфейка и модифицирующего программного обеспечения, т. е. проведения оригинальной фоноскопической экспертизы дипфейка.

В настоящее время выявление дипфейков есть результат «ручной» работы криминалистов, которые обращают внимание на дрожание, запаздывание речи, склейки, нарушение потоков аудиозаписи и особенности гистограмм [11]. Однако сущностью *криминалистической идентификации аудио-дипфейка* должно быть выделение комплекса признаков, которые достаточ-

ны для установления тождества между реальными голосом и речью, зафиксированными на фонограмме-образце, и голосом и речью, представленными на фонограмме-дипфейке.

В заключение следует отметить, что появление мошенников, использующих искусственный интеллект, приведет к разработке технических и организационных мер противодействия. Будут созданы средства защиты и методики расследования преступлений.

Так, Минцифры во исполнение поручения премьер-министра России М. Мишустина до 19 марта 2024 г. должно было определить возможности выявления фейков, созданных искусственным интеллектом.

МВД России, Минцифры и Роскомнадзор исследуют перспективу правового регулирования дипфейк-технологий, в том числе противодействия их использованию в криминальных целях [11].

В частности, представляется необходимым по аналогии со ст. 152¹ Гражданского кодекса РФ, запрещающей использование изображения человека, включая видеозапись, без его согласия, установить такие же ограничения и в отношении голоса.

Это предложение корреспондируется с информацией об обсуждении рассматриваемой проблемы на заседании Госдумы в январе 2024 г., на котором председатель Комитета по информационной политике А. Хинштейн заявил о возможности введения ответственности за несанкционированное использование чужого голоса и изображения [12].

Список источников

1. URL: <https://ria.ru/20230614/kuznetsov-1877800659.html> (дата обращения: 05.03.2024).
2. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2023/ (дата обращения: 05.03.2024).
3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466833?ysclid=ltfcn8fmoe157701069> (дата обращения: 05.03.2024).
4. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11.
5. URL: <https://www.ixbt.com/live/sw/kopiruem-chuzhoy-golos-v-dva-klika.html?ysclid=lt7860z8qq586586514> (дата обращения: 05.03.2024).

6. URL: <https://habr.com/ru/news/671710/> (дата обращения: 05.03.2024).
7. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/audio-deepfake-technology/35694/?ysclid=lt7a2laor2493943978> (дата обращения: 05.03.2024).
8. URL: <https://arxiv.org/pdf/2005.08781.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
9. URL: <https://arxiv.org/abs/2307.07683> (дата обращения: 05.03.2024).
10. *Астишина Т. В., Маркелова Е. В.* Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи // Вестник Казанского юридического института. 2014. № 2.
11. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/02/16/1020587-mintsifri-s-mvd-i-roskomnadzorom-opredelyat-nakazanie-za-dipfeiki> (дата обращения: 05.03.2024).
12. URL: <https://www.pnp.ru/economics/khinshteyn-soobshhil-o-podgotovke-zakonoproekta-protiv-dipfeykov.html?ysclid=ltha42lgw2638040191> (дата обращения: 05.03.2024).

А. Д. Майле

Экономическая преступность в Германии в контексте иммиграции

Волны миграции за последние годы уже внесли изменения в облик Европы*. Новые мигранты уже не проявляют стремления к ассимиляции в культуру «новой родины»: они не считают нужным изучать язык, понимать культуру и традиции, а также следовать законам и обычаям страны, в которой они пребывают. Вместо этого они не стремятся адаптироваться к условиям жизни в стране, а нацелены на изменение этих условий в свою пользу. Они ведут себя иначе, чем большинство общества принимающих стран, обладают другой системой ценностей и являются выходцами из государств, где не знают принципов верховенства закона и равенства основных прав для всех. Большая часть просителей убежища исповедуют другую религию — абсолютное большинство из них мусульмане. Как известно, ислам — это

* В настоящее время в Германии беженцы и лица, подающие прошения о предоставлении им защиты, фактически не являются мигрантами, а иммигрантами, поскольку большинство из них на самом деле не ищет просто защиты, а стремится остаться на постоянное место жительства в стране.

не только религия, но и важный элемент культуры и общественно-политической организации в мусульманском мире.

Все больше европейцев рассматривают миграцию как еще одну угрозу политической стабильности, культурной идентичности и экономического процветания. В Германии политики и общественные деятели чаще говорят о том, что государство теряет контроль над процессом миграции. Это уже приводит к тому, что коренные жители оказываются маргинализированными в своей собственной стране и становятся социальным меньшинством, которое непреднамеренно вынуждено перенимать непопулярные правила поведения иммигрантов [1].

Уровень преступности среди мигрантов в Германии за последние три года значительно вырос. В 2023 г. органы правопорядка ФРГ зафиксировали очередной рост числа преступлений, совершенных иностранцами. По мнению большинства экспертов, центральным фактором этого роста является миграция, которая в настоящее время имеет высокий уровень.

Согласно статистике Федерального ведомства уголовной полиции, в 2022 г. в Германии было зарегистрировано 5,6 млн преступлений, что на 11,5% больше, чем в 2021 г. При этом число подозреваемых в совершении преступлений составило около 2,1 млн человек. Из них около 800 тыс. являлись иностранцами. Учитывая, что доля иностранных граждан в общей численности населения Германии составляет всего 14%, эта статистика вызывает беспокойство специалистов. Практически каждый день германские средства массовой информации сообщают о фактах убийств, разбоев или изнасилований, в том числе групповых [2].

Особенно беспокоит тот факт, что резко выросло количество подозреваемых среди детей и подростков не немецкого происхождения. В этой группе зафиксировано увеличение числа подозреваемых на 37% по сравнению с 2021 г. Для немецких подростков этой возрастной группы рост составил 12%. Подобная тенденция прослеживается и среди взрослого населения, как у иностранцев, так и у немцев.

Среди всех стран — членов Европейского Союза Германия приняла больше всех беженцев с Украины. В настоящее время в ФРГ зарегистрировано около 1,14 млн украинских беженцев, что делает их второй по величине диаспорой в Германии [3]. Учитывая рост числа украинцев, прибывших в ФРГ в 2022 г., количество украинцев, совершивших преступления, увеличилось в 2,1 раза по сравнению с 2021 г. (с 11,7 до 24,7 тыс.). Отмечается

также рост числа преступлений среди украинских подростков. Дети и подростки с Украины в возрасте до 18 лет в 2022 г. подозреваются в совершении 4294 преступлений (включая нарушения миграционного законодательства), что почти в 10 раз больше, чем в 2021 г. [4].

Достаточно широкий термин «иммигранты», выбранный властями ФРГ для ведения статистики, не охватывает всех подозреваемых мигрантов, таких как иностранцы из стран ЕС или лица из третьих стран, которые находятся в Германии с видом на жительство, например, для трудоустройства.

Самыми распространенными преступлениями среди иностранцев являются кражи — 1,7 млн случаев, мошеннические действия — 1,2 млн случаев и порча имущества — 0,6 млн случаев [5, s. 31–32].

Согласно результатам исследования Кельнского института немецкой экономики на фоне роста имущественных и неимущественных преступлений за последние три года значительно выросло число экономических преступлений, что подтверждают данные криминальной статистики [6, s. 13].

Общее число преступлений экономической направленности составило 73 114 случаев, что означает увеличение на 42,6% по сравнению с предыдущим годом. Только денежный ущерб в 2022 г. оценен в 2,083 млрд евро, что составляет более трети от общего ущерба от всех преступлений, зарегистрированных в полицейской криминальной статистике [7]. Каждое третье предприятие Германии в 2023 г. так или иначе сталкивалось с экономическими правонарушениями. Это самый высокий уровень, начиная с 2014 г.

Такие преступления, как мошенничество, коррупция, незаконные договоры о ценах, уклонение от уплаты налогов и незаконное занятие предпринимательской деятельностью, ежегодно наносят экономике ущерб в размере почти 2,1 млрд евро. Мошенничество занимает основную долю в общем числе случаев — более 50 000 и почти половину ущерба — 900 млн евро. Из-за недостатков в статистике процент иностранцев, причастных к указанным правонарушениям, не поддается учету.

Германия, хотя и с некоторым опозданием, начала реагировать на требования общества, возмущенного ростом количества преступлений среди мигрантов.

В настоящее время правительство разрабатывает меры и программы, направленные на борьбу с правонарушениями, в том числе в экономической сфере, с учетом миграционных вызовов.

Некоторые из них включают в себя:

- улучшение законодательства и правоприменительной практики в борьбе с коррупцией, отмыванием денег и налоговыми махинациями;
- повышение прозрачности и отчетности в различных секторах экономики. Это включает в себя требования к финансовой отчетности компаний, а также меры по предотвращению коррупции в государственных и частных компаниях;
- повышение интеграции иммигрантов в общество и рынок труда.

Экономическая преступность среди мигрантов в Германии является сложной проблемой, требующей комплексного подхода для ее решения. Необходимо активизировать усилия по улучшению экономической интеграции иммигрантов, обеспечивая доступ к образованию, профессиональной подготовке и рынку труда. Кроме того, важно продолжать развивать политику борьбы с экономической преступностью, включая усовершенствование законодательства в этой сфере. Дальнейшие исследования в этой области также могут быть полезны для выявления новых факторов и разработки эффективных стратегий противодействия экономической преступности среди мигрантов в Германии.

Список источников

1. *Wieland U.* Willkommenskultur in Krisenzeiten. Wahrnehmungen und Einstellungen der Bevölkerung zu Migration und Integration in Deutschland. Bertelsmann Stiftung (Hrsg.). Gütersloh, 2024.
2. URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2022/FachlicheBroschueren/fachlicheBroschueren_node.html (дата обращения: 11.02.2024).
3. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1356654/umfrage/anzahl-ukrainischer-fluechtlinge-in-den-eu-staaten> (дата обращения: 11.02.2024).
4. URL: <https://www.dw.com/ru/bezency-iz-ukrainy-v-kriminalnoj-statistike-frg-o-cem-govorot-cifry/a-65252724> (дата обращения: 11.02.2024).
5. *Polizeiliche Kriminalstatistik 2022: Ausgewählte Zahlen.* Berlin, 2024.
6. *Dominik Enste, Jennifer Potthoff.* Wirtschaftskriminalität: Entwicklungen, Täterprofile und Präventivmaßnahmen. Köln, 2024.
7. *Wirtschaftskriminalität in Deutschland 2023: Gegen jede Regel.* Studie zur Wirtschaftskriminalität in Deutschland und Auswirkungen des Lieferkettensorgfaltspflichtengesetzes.

И. В. Лысенко

Сравнительная интерпретация оценки динамики экономической преступности

Для оценки динамики того или иного процесса в экономике обычно используются статистические методы: показатели рядов динамики, индексные методы, методы экстраполяции. Они показали свою практическую и репрезентативную значимость для анализа экономической преступности. В то же время количественные исследования такого феномена, как экономическая преступность, могут быть дополнены применением расчетами маржинальных величин.

Основа статистических расчетов и определение маржинальных (предельных) величин обязаны математическим методам количественных измерений. В данном случае можно говорить о двух направлениях проведения таких измерений и, соответственно, оценки масштабов, структуры и динамики экономической преступности.

Первое направление условно можно назвать фактологическим (реально определяемым). Речь идет о расчетах таких величин, которые отражают изменение показателей экономической преступности относительно изменения какого-либо массива данных (не обязательно принадлежащих криминальной экономике). В качестве условного знаменателя здесь могут выступать изменения:

- численности населения города, региона, страны;
- числа фирм, предприятий, организаций, учреждений;
- численности занятых, безработных;
- объема выпускаемой продукции (в различных ее измерителях: физических, стоимостных) и т. д. [1, с. 9; 2, с. 13; 3, с. 119].

В результате расчетов могут быть получены следующие показатели:

- предельный ущерб от экономической преступности;
- предельная криминализация незаконных деяний;
- предельная численность зарегистрированных преступных деяний и др.

Для иллюстрации, используя данные таблицы 1, рассчитаем предельный ущерб от совершения зарегистрированных экономических преступлений за 2017-2021 гг. и включим эти показатели в таблицу 2.

**Таблица 1. Динамика количества совершенных зарегистрированных деяний
в сфере экономики и размер экономического ущерба [4]**

Год	Зарегистрировано экономических преступлений, ед.	Ущерб от экономических преступлений, млрд руб.
2017	105 087	177,5
2018	109 463	403,8
2019	104 927	477,2
2020	105 480	450,0
2021	117 707	641,9

Формула расчета показателя:

$$My^{\text{ЭП}}_i = (Qu^{\text{ЭП}}_i - Qu^{\text{ЭП}}_{i-1}) / (N^{\text{ЭП}}_i - N^{\text{ЭП}}_{i-1}), \quad (1)$$

где $My^{\text{ЭП}}_i$ — предельный ущерб от совершения зарегистрированных экономических преступлений за i -й г., руб./ед.;

$Qu^{\text{ЭП}}_i, Qu^{\text{ЭП}}_{i-1}$ — ущерб от экономических преступлений за текущий и предыдущий годы, млрд руб.;

$N^{\text{ЭП}}_i, N^{\text{ЭП}}_{i-1}$ — зарегистрировано экономических преступлений за текущий и предыдущий годы, ед.

**Таблица 2. Динамика показателей предельного ущерба от совершения
зарегистрированных экономических преступлений за 2018–2021 гг.¹**

Год	Предельный ущерб от совершения зарегистрированных экономических преступлений, тыс.руб./ед.
2018	57 713,894
2019	– 16 181,658
2020	– 49 186,257
2021	15 694,774

Интерпретация показателей оценки динамики экономической преступности, приведенных в таблице 2. Виден рост предельного ущерба от экономической преступности в 2018 и 2021 гг.: на 57 713,894 и на 15 694,774 тыс. руб./ед. соответственно по сравнению с 2017 и 2020 гг. В отчетном периоде наблюдается падение данного показателя в 2019 и 2020 гг.: на 16 181,65 и на 49 186,257 тыс. руб./ед. соответственно по сравнению с 2018 и 2019 гг.

Теперь сравним полученные результаты со статистическими темпами прироста среднего ущерба от экономических преступлений за этот же пери-

¹ Рассчитано автором.

од, рассчитанными по методу цепных показателей (по формуле 2) (таблица 3).

$$\Delta CY_i = (Q_{y \text{ ЭП}_i} / N^{\text{ЭП}_i}) - (Q_{y \text{ ЭП}_{i-1}} / N^{\text{ЭП}_{i-1}}). \quad (2)$$

Таблица 3. Абсолютные приросты среднего ущерба от совершения зарегистрированных экономических преступлений за 2018–2021 гг.²

Год	Абсолютный прирост (цепной) среднего ущерба от совершения зарегистрированных экономических преступлений, тыс.руб./ед.
2018	1 999,841
2019	859,006
2020	- 281,712
2021	1 187,160

При сравнении показателей в таблицах 2 и 3 видно, что расхождения довольно существенные, особенно по 2019 г.: в таблице 2 представлена отрицательная динамика предельного ущерба, а в таблице 3 — положительная (абсолютный прирост среднего ущерба составил 859, 006 тыс. руб./ед.).

Второе направление проведения измерений и оценки масштабов, структуры и динамики экономической преступности — применение дифференцирования функций. Для этого предварительно выявляется функциональная зависимость между параметрами экономической преступности (как вариант, между ними и параметрами динамики населения, миграции населения, числа легально действующих предприятий). Затем для оценки данные функции преобразуются в производные и решаются с учетом достижения экстремумов (на минимум или максимум) [5, с. 96–99]. В данном случае привлекаются математические методы определения результатов таких функций.

Таким образом, для проведения комплексного исследования экономической преступности расчеты статистических показателей могут быть дополнены использованием маржинального анализа в криминологических, социально-экономических исследованиях общественно опасных деяний.

Список источников

1. *Теневая экономика: диагностика и меры нейтрализации* / под ред. А. И. Татаркина, В. Ф. Яковлева. М., 2004.
2. *Бекряшев А. К.* Теневая экономика : учеб. пособие. Омск, 2004.
3. *Латов Ю. В., Ковалев С. Н.* Теневая экономика : учеб. пособие для вузов / под ред. В. Я. Кикотя, Г. М. Казиахмедова. М., 2006.

² Рассчитано автором.

4. Горюнова Е. А., Голованова К. А. Тенденции экономической преступности в России. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/121990/1/978-5-91256-577-9_2022_260.pdf. (дата обращения: 18.02.2024).

5. Лысенко И. В., Лысенко М. В. Влияние на региональный потребительский рынок деятельности иррегулярной экономики // Современные тренды российской экономики: вызовы времени 2015 : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Л. Н. Руднева. Тюмень, 2016.

С. П. Першин

Трансформация инструментов государственного финансового контроля под влиянием процессов информатизации в экономике

Очередной фазой развития общества становится его информатизация — процесс, при котором информация выступает ключевым ресурсом, средством, инструментом, предметом и объектом экономической деятельности, определяющим успех предприятия и иного экономически значимого поведения индивида как субъекта хозяйственных отношений. Этот и связанные с ним процессы неминуемо сопровождаются негативными тенденциями и обстоятельствами, проблемами и рисками, сопряженными с использованием информации, вызывают сложности адаптации общества к неизбежной в связи с этим трансформации отношений. Государственные органы не могут оставаться в стороне от обозначенных тенденций и процессов и в целях обеспечения качества выполнения функций по осуществлению контроля в финансовой сфере должны также принять необходимость по своевременному осуществлению перестроения применяемого инструментария. Классические средства и методические приемы контроля теряют актуальность под влиянием информатизации и развития автоматизированных технологий, требуют модернизации правовых и организационных основ контрольных полномочий. Это обуславливает потребность в научной интерпретации обозначенных тенденций в обществе в целях их применения к процедурам трансформации приемов контрольной деятельности в финансовой среде.

Использование большого объема информации требует от пользователя компетенции, определяющей возможность, способность и умение (навык) ее поиска, сбора, обработки, анализа, хранения, представления, использования. Качество обладания такими умениями и возможностями во

многом создает условия и степень достижения цели хозяйственной деятельности. Процесс информатизации привел к ведущей роли деятельности по работе с информацией, составляет неотъемлемый фактор для конкуренции, а профессиональные компетенции в области работы с информацией — необходимый и обязательный ресурс экономической деятельности в такой конъюнктуре. Современные средства автоматизации во многом предопределили возможности, условия достижения целей хозяйствования информационного общества. Следовательно, сочетание актуальных, достаточно производительных средств работы с информацией, с человеческими способностями ее осмысления и применения формирует основные факторы современной экономики.

Вопросы обеспечения экономической безопасности посредством осуществления государственного финансового контроля при этом не теряют своей актуальности. Указанные технические средства и возможности требуют выхода инструментов контроля на несколько иной уровень, обусловленный информатизацией, создав, с одной стороны, поле для применения новых способов проявления недобросовестного поведения, правонарушений, с другой стороны — потенциальные приемы фиксации факта нарушения и цифрового следа от деятельности субъектов в едином информационном пространстве. Противодействуя им, хозяйственник вынужден во многом полагаться на свои ресурсы, предусматривая штат сотрудников, занятых в работе с информацией, обеспечением ее сохранности, предупреждением правонарушений и злоупотреблений со стороны контрагентов. Здесь работники на основе имеющихся данных применяют различные инструменты защиты, например, приемы оперативного, предварительного, текущего контроля, включения в договоры специальных норм страхования обязательств и защиты прав, отстаивая позицию в судах. Но они ограничены условиями доступа к некоторой информации, защищаемой в первую очередь, Конституцией, когда речь идет об основополагающих правах человека и гражданина, а потребность в таких сведениях довольно высока, так как актуальная информация, позволяющая принять решение, в значительной мере скрыта, под предлогом личных данных, коммерческой тайны. Государственные органы имеют значительно большие полномочия в истребовании и использовании информации и призваны дополнить инструментарий обеспечения экономической безопасности посредством осуществления контрольных функций. Оценка качества выполнения государственными органами полномочий

во многом обусловлена системой применяемых показателей, часто имеющих числовое значение, отображая количество действий или фактов, показатели оценки деятельности по предупреждению правонарушений, преступлений, взаимодействия с субъектами хозяйствования, не находят искомого публичного отображения чаще всего в связи с невозможностью количественного измерения. Тогда как деятельность органов государственного механизма по контролю в финансовой среде остается весьма значимой и не может терять позиции в связи с отставанием от стремительных тенденций трансформации инструментария в связи с информатизацией. Ограниченная к пользованию информация в ряде случаев может быть предоставлена отдельным государственным органом более широкому кругу потребителей в обработанном виде. Речь идет о ее группировании, анализе и представлении в доступном и возможном формате согласно компетенции того или иного государственного органа контроля. Важно, что для принятия решений и выполнения работы по обеспечению экономической безопасности, непосредственного осуществления финансового контроля необходима комплексная информация. Представители хозяйствующей среды нуждаются в сведениях, которыми располагают государственные органы, в свою очередь, представителям государственного сектора требуется информация, владельцем которой выступает бизнес-среда.

Установлено, что процесс информатизации характеризуется тенденцией формирования единого информационного пространства. Его основу составляют первичные учетные данные о фактах хозяйственной жизни, которые могут обрабатываться автоматизированно, установленными алгоритмами для предоставления наиболее возможного объема сведений определенной категории пользователей, обеспечивая тем самым их информационные потребности. Финансовая информация, составляющая предмет контроля, требует оперативной группировки и другого способа обработки исходных данных для реализации инструментария финансового контроля. Единое информационное пространство экономики позволит предоставить искомые сведения без дополнительных затрат сил, средств, ресурсов на истребование, обработку и представление информации, автоматизированные алгоритмы которого составят новый инструментарий контроля.

Архитектурой и форматом построения указанного единого информационного экономического пространства может служить применяемая система бухгалтерского учета, основанная на инструментарии отражения

сведений на учетных счетах в заданном порядке с применением технологии цифровых активов [1, с. 138]. Регистрация хозяйственного факта в единой учетной системе предлагается условием и способом его осуществления. Автоматизированные технологии в настоящее время способны обеспечить учет данных по большому количеству аналитических счетов, создавая тем самым возможность для группировки и анализа исходных данных значительным количеством алгоритмов в зависимости от потребности пользователя. Реализация функций системой органов государственного финансового контроля предполагается посредством автоматизированного инструментария единой учетной системы [2, с. 83]. Он позволяет обеспечить доступ к информации обо всех зарегистрированных фактах хозяйственной жизни, осуществлять их автоматизированный анализ по самым разнообразным методикам исследования, сопоставлять с положениями правовых норм, представлять результаты оценки и специального запроса в оперативном порядке.

Таким образом, информатизация сегодня создает потребность и условия трансформации инструментов государственного финансового контроля, основанной на автоматизированных алгоритмах единой учетной системы по изысканию, обработке, анализу и представлению информации согласно искомому содержанию и формату отдельного пользователя. Единство цифрового экономического пространства, построенного на бухгалтерских принципах, сделает значительный массив релевантной информации доступным и удобным для реализации полномочий компетентными органами государственного финансового контроля.

Список источников

1. *Першин С. П.* Элементы технологии цифровых активов в хозяйственной среде посредством единой учетной системы // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 2(68).

2. *Першин С. П., Сигидов Ю. И.* Администрирование экономических отношений на основе инструментов учетной системы : монография. Краснодар, 2018.

А. В. Петров

Деприватизация в качестве инструмента обеспечения суверенитета как общественной витальной цели

Важным условием правовой жизни является свобода. В свою очередь свобода способна представлять в самых разнообразных ипостасях, одной из которых является свобода экономическая. Последняя же невозможна без частной собственности.

Эти тезисы, при всей своей азбучной самоочевидности, ничуть не страдают от повторения. Правда, очевидность и однозначность заканчиваются тогда, когда начинается разговор о способах приобретения собственности, и нередко оказывается, что разговор этот касается весьма темных историй. Будь то время колониального разграбления Старым светом недавно открытого Нового, период первоначального накопления капитала в индустриально развивающихся странах и сопутствующая ему суровая эксплуатация или отечественная постперестроечная приватизация — в равной степени эти моменты истории не расположены к тому, чтобы открывать все детали процесса приобретения собственности постороннему взгляду. И там действительно есть что скрывать: при внимательном взгляде оказывается, что команда шхуны «Испаньола» из «Остров сокровищ» Р. Стивенсона *полностью* состояла из пиратов, хотя меньшая ее часть и называла себя «честными людьми», а сегодняшний российский рантье нередко оказывается удивительно похож на сказочную лису, удачно обменявшую найденную скалочку на курочку, гусочку и т. д., но благополучно избежавшую встречи с собакой.

Не секрет, что приватизация в России имела своей целью не столько оздоровление экономики через перераспределение собственности в интересах ее более эффективного использования, сколько политическую цель сформировать класс собственников и сделать невозможным возврат к социалистическому общественному строю. Иными словами, конвенционный инструмент экономического оздоровления был употреблен в неконвенционных (с экономической точки зрения) целях. К сожалению, неконвенционными эти цели были не только с экономической, но и с социальной точки зрения тоже. Приватизация, проведенная в 90-х гг. прошлого века, была не только не обеспечена «противошоковыми» мерами для населения (вроде контроля инфляции), но и осуществлялась в ущерб национальным и государственным интересам, поскольку проводилась нетранспарентно, а оценка стоимости

приватизируемых активов совершенно не соответствовала их реальной ценности.

Итогом приватизации, какой бы она ни была, сделался класс собственников различного калибра — от владельцев «заводов, газет, пароходов» до собственника квартиры, когда-то предоставленной государством; хотя обыватель и сделался собственником, сравнивать первых и вторых можно лишь формально, содержательная же разница делает сравнение невозможным по причине несоизмеримости. В условиях окончательного перехода образа жизни и хозяйствования на капиталистический путь частная собственность закономерно играет роль важнейшего субстрата экономической жизни, и ее неприкосновенность — центральная его часть.

Между тем уже в 2020 г. обозначилась тенденция деприватизации промышленных предприятий на основании исков Генеральной прокуратуры РФ. Оставляя за скобками детали этой тенденции, заметим, что в ней можно сделать акцент на инфраструктурных объектах, а с недавних пор — на объектах, так или иначе связанных с военно-промышленным комплексом. С рыночно-либеральной точки зрения такое правоприменение является завуалированной формой отъема и перераспределения собственности. Позиция рыночного капитализма настаивает на том, чтобы видеть в деприватизации способ, которым государство перераспределяет собственность внутри элиты, лояльной к политическому режиму, чем воспроизводит еще средневековый паттерн «кормления» лояльного дворянства, вознаграждаемого таким образом за службу. Не солидаризируясь с этой позицией, заметим, что в несомненно совершающемся процессе перераспределения собственности нет, во-первых, масштабности институционального действия («кормление» как инструмент подкрепления лояльности или вознаграждения за нее должно иметь более широкий масштаб употребления), во-вторых, государство не отходит от принципов незыблемости частной собственности и заявляет об отсутствии планов по деприватизации, в-третьих, деприватизация на сегодняшний день касается преимущественно тех предприятий, чья деятельность важна для суверенизации экономики и укрепления обороноспособности страны. Иными словами, то, что с точки зрения собственника, привыкшего к рыночным правилам игры, но получившего собственность далеко не рыночным способом, представляется почти что ограблением, с точки зрения государственнической целесообразно и правильно, если активы, чье эффективное использова-

ние имеет важное значение для суверенной экономики, будут изъяты у неэффективного собственника.

И речь идет о кое-чем большем, чем просто эффективное хозяйствование, когда речь идет о критически важных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, о металлообработке и машиностроении, об инфраструктуре и наукоемком производстве. Ведь эти отрасли касаются поддержания экономического суверенитета и обеспечения обороноспособности страны, поскольку все они так или иначе либо непосредственно связаны с военно-промышленным комплексом, либо поддерживают его функционирование в качестве гражданского сегмента. Неэффективная работа в текущих условиях активного внешнеполитического противостояния, уже далеко ушедшего от фазы «холодной» войны, представляет собой общественную опасность, поэтому естественной реакцией государства на эту опасность является ее пресечение, причем без криминализации самого факта владения незаконно приобретенной собственностью.

Справедливым будет упомянуть и скептическую позицию по поводу деприватизации, которую нередко можно встретить в деловых СМИ, и эта позиция сводится к ряду вопросов: действительно ли происходящее сейчас — это точечная деприватизация в государственных интересах, а не начало широкого передела собственности, старое «кормление» на новый лад? Если приватизация в ряде случаев была проведена незаконно, то сколько таких случаев еще будет выявлено? Будет ли новый собственник эффективнее прежнего? и т. п. Сейчас ответить на эти вопросы невозможно, и только время способно показать правильность предпринимаемых государством действий или справедливость высказанных опасений. Однако уже можно сказать наверняка, что деприватизация в указанных случаях соответствует витальным целям нашего общества, так как способна повысить эффективность работы промышленности, а следовательно, способствовать решению витально важной задачи — достижения победы в гибридной войне с Западом через утверждение такого положения, в котором конфронтация с Россией будет приносить ему такие издержки, что выгоднее станет заключение транспарентного соглашения. Ради этого витального телоса целесообразно использовать право инструментально, а рыночную догму о неприкосновенности частной собственности считать экономическим каноном, полезным, но отнюдь не незыблемым.

Н. В. Пушко

Диверсификация системы защиты прав работников при несостоятельности предприятия посредством формирования гарантийных фондов

В общемировой практике несостоятельность (банкротство) нанимателя является достаточно сложной проблемой именно для наемных работников, которые в силу сложной финансовой ситуации на предприятии своевременно не получают заработную плату. В настоящее время наше государство делает все возможное для сохранения устойчивой тенденции по снижению задолженности предприятий-банкротов по оплате труда своих работников. Так, в Республике Беларусь в 2022 г. список должников по зарплате сократился с 17 до 4 организаций, работникам выплачено более 2,6 млн руб. В 2023 г. он уменьшился еще на две организации, а объем задолженности — на 340 тыс. руб. [1] Однако пока такие предприятия-должники все еще существуют, имеется необходимость в усовершенствовании механизма дополнительной защиты прав работников экономически неплатежеспособной организации, которые не только могут являться достаточно многочисленной категорией кредиторов при банкротстве, но также в значительно большей степени зависят от финансовой состоятельности нанимателя, чем крупные кредиторы.

Работники приобретают права кредиторов в связи с неисполнением предприятием-должником обязательств по выплате заработной платы и производству иных выплат с момента подачи заявления о признании субъекта хозяйствования несостоятельным, и их отношения с такой организацией регулируются Законом Республики Беларусь от 13 дек. 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» [2] и другими нормативными правовыми актами, касающимися правоотношений банкротства.

Опираясь на мировую практику защиты прав работников-кредиторов при банкротстве юридических лиц, необходимо выделить следующие наиболее распространенные способы дополнительной защиты: во-первых, приоритизация требований работников по оплате труда и иных выплат перед иными кредиторами; во-вторых, создание гарантийных фондов, которые нами рассматриваются как одно из средств криминологической профилактики преступлений, связанных с нарушениями законодательства при банкротстве юридических лиц.

В Республике Беларусь применяется первый и наиболее распространенный из вышеперечисленных способов. Однако приоритизация требова-

ний наемного персонала не может служить гарантией удовлетворения всех их претензий, так как финансовое состояние субъекта хозяйствования может быть настолько неудовлетворительное, что не могут быть выплачены даже первоочередные суммы. При этом наличие абсолютного приоритета у работников перед другими кредиторами имеет свое ограничение — удовлетворение требований по оплате расходов, связанных с проведением процедур банкротства, имеет преимущественное значение даже по сравнению с оплатой труда работников. Кроме того, процедура признания юридического лица неплатежеспособным обычно занимает достаточно длительный период, и работники могут столкнуться с ситуацией долговременной невыплаты заработной платы. Поэтому установление механизма защиты прав работников посредством создания гарантийных фондов позволит не только устранить описанные недочеты, но и предоставит возможность немедленного удовлетворения интересов работников-кредиторов. Такие фонды могут формироваться как за счет взносов нанимателей, так и путем дополнительного государственного софинансирования через предоставление им дотаций из бюджета. При этом к преимуществам таких фондов можно отнести заблаговременную подготовку путем их планомерного финансирования в период экономической стабильности субъекта хозяйствования, что всегда является более выгодным, чем ускоренная реализация имущества в процедуре ликвидации.

Важной составной частью функционирования механизма обеспечения социальных гарантий работников-кредиторов является также уголовно-правовая защита их прав. Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК РБ) предусмотрена уголовная ответственность за сокрытие банкротства (ст. 239 УК РБ) [3], преднамеренное банкротство (ст. 240 УК РБ), препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами) (ст. 241 УК РБ), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК РБ). Если же в ходе проведения экономического судопроизводства по делу о несостоятельности выявляются признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 239–242 УК РБ, то в случае возбуждения уголовного дела работники-кредиторы могут быть признаны потерпевшими и смогут воспользоваться дополнительными гарантиями реализации их законных имущественных прав в виде уголовно-правовой защиты. Кроме того, поскольку данная группа кредиторов-потерпевших может быть достаточно многочисленной, они могут усложнить работу органов предварительного следствия и судов.

В связи с этим заблаговременное создание гарантийного фонда на предприятии, а также проведение ассигнований в этот фонд позволят своевременно, в полном объеме удовлетворить требования работников-кредиторов и может быть рассмотрено как обстоятельство, смягчающее вину, в силу норм ч. 2 ст. 63 УК РБ. Кроме того, в случае уголовного банкротства можно будет снизить общественную опасность рассматриваемых преступлений ввиду того что сократятся число потерпевших и общая сумма ущерба для всех кредиторов.

Таким образом, следует отметить, что современная национальная правовая система, регулирующая общественные отношения, возникающие между работником и нанимателем, в случае несостоятельности последнего нуждается в совершенствовании. Одним из возможных путей является внедрение механизма защиты прав работников-кредиторов при банкротстве юридических лиц через создание системы гарантийных фондов. Такие фонды, помимо прочего, могут послужить дополнительным средством криминологической профилактики в сфере защиты прав работников, сделают возможным устранение ряда недоработок в уголовно-правовой защите прав кредиторов от преступных действий представителей юридического лица при несостоятельности (банкротстве).

Список источников

1. URL: <https://prodelo.by/minekonomiki-spisok-predpriyatij-dolznikov-po-zarplate-sokratilsya-s-17-do-4-za-god> (дата обращения: 13.02.2024).
2. URL: <https://pravo.by/document/?quid=3871&po=h12200227> (дата обращения: 13.02.2024).
3. URL: <https://pravo.by/document/?quid=3871&po=hk9900275> (дата обращения: 13.02.2024).

И. Е. Речков

О некоторых способах совершения неправомерного завладения недвижимым имуществом как элементе криминалистической характеристики преступления

Недвижимость, а именно комнаты, квартиры, дома представляют для человека особую ценность, ведь они дают ему крышу над головой, тепло, чувство защищенности, уверенности. Одновременно с этим жилая недвижимость обладает и высокой материальной ценностью, тем более цена квадрат-

ного метра жилой недвижимости регулярно растет как на первичном, так и на вторичном рынке. Все это определяет желание преступников завладеть любой формой недвижимости. Для того чтобы достичь своих преступных целей, злоумышленники изобретают разнообразные схемы, которые ставят следователя в затруднительное положение при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным завладением недвижимым имуществом на вторичном рынке. Для облегчения работы следователей необходимо предоставить им инструменты, позволяющие быстрее и эффективнее бороться с преступностью. Наука криминалистика на основании уже имеющегося опыта разработала научные положения о методике расследования отдельных видов преступлений. Немаловажное значение в криминалистической методике имеет криминалистическая характеристика преступлений, в структуре которой одно из центральных мест занимает способ совершения преступления. Данный элемент криминалистической характеристики, обобщая судебно-следственную практику, поможет следователям и дознавателям понять, как именно мог действовать преступник при совершении того или иного преступления, что может дать представление о характере и знаниях самого преступника, количестве участников преступления, о других элементах криминалистической характеристики: механизме следообразования, обстановке на месте совершения преступления, личности потерпевшего и др.

Сам предмет преступного посягательства (недвижимость) определяет некоторые особенности завладения им, поскольку с недвижимостью по-особенному связаны права пользования, владения и распоряжения им. Многие граждане, в силу своей неграмотности, не всегда разделяют эти права, а именно, встречаются случаи, когда в результате совершения преступления потерпевший лишается права собственности на жилое помещение и наделяется правом пользования, иначе говоря, проживания в другом жилом помещении (его просто зарегистрировали). При этом сам потерпевший может не понимать, что его обманули и в отношении него совершено преступление.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных способов совершения преступлений, связанных с незаконным завладением недвижимым имуществом, необходимо отметить одну общую для всех способов особенность — переход права собственности от потерпевшего в пользу другого лица, в результате которого и происходит причинение ущерба собственнику. Такой переход права должен быть юридически закреплён, т. е. зарегистрирован в установленном порядке органами Росреестра на основании какого-либо

документа. Именно вокруг данного документа и разворачивается вся преступная деятельность злоумышленников. К документам, на основании которых может происходить переход права собственности, относятся договоры купли-продажи, дарения, мены, передачи имущества в собственность граждан (приватизация), завещание.

Способов получения названных документов довольно много, однако все они могут быть объединены в две группы:

- принудительные способы;
- обман или злоупотребление доверием.

В связи с этим при совершении преступлений, связанных с незаконным завладением недвижимым имуществом, возможны такие квалификации деяния: при принудительных способах это ст. 163 УК РФ (вымогательство) или ст. 179 УК РФ (принуждение к совершению сделки), а при обмане или злоупотреблении доверием — ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Поскольку способ совершения вымогательства недвижимого имущества и права на него немногим отличается от других видов вымогательства, останавливаться на нем мы не станем, а рассмотрим более подробно способы принуждения к совершению сделки и мошенничества.

Несмотря на то что фактов принуждения к совершению сделки в последнее время становится меньше, рассмотрение способов их совершения не теряет своей актуальности. Если обратиться к диспозиции ст. 179 УК РФ, то данное преступление, как правило, совершается путем высказывания угроз применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких при отсутствии признаков вымогательства. От самого вымогательства данный состав будет отличаться лишь тем, что при вымогательстве преступник выдвигает требование передачи имущества и права на него безвозмездно, а при принуждении к совершению сделки возмездность присутствует, но на заведомо невыгодных для потерпевшего условиях. Чаще всего преступники выбирают способ повреждения или уничтожения чужого имущества, сопровождая это созданием условий невыносимого для потерпевшего проживания, владения этой недвижимостью. Нередки случаи, когда злоумышленник или группа злоумышленников, преследуя цель незаконного обогащения, подбирают объект недвижимости, в котором имеется несколько собственников, владеющих жилым помещением в долях. После этого на законных основани-

ях приобретается одна из долей, а в дальнейшем для остальных собственников создаются такие условия, при которых они сами захотят избавиться от принадлежащих им долей в праве собственности на жилое помещение на любых условиях, предложенных преступником.

Например, З. в целях завладения правом на жилое помещение, расположенное в г. Верхняя Салда Свердловской области, приобрел $\frac{1}{4}$ доли в праве собственности на квартиру, после чего в ходе личной встречи с двумя другими собственниками Е. и А., которым принадлежали оставшиеся $\frac{3}{4}$ доли, предложил выкупить их доли за сумму, значительно меньшую рыночной стоимости. При этом З. высказал Е. и А. угрозы повреждения их квартиры и создания условий, при которых они не смогут проживать в ней. Получив отказ, З. принадлежащую ему $\frac{1}{4}$ доли в квартире разделил на меньшие доли, оформив на ранее обманутых им при совершении других преступлений и подконтрольных ему М. и В. по $\frac{1}{16}$ доли, а также переселил последних в квартиру к потерпевшим Е. и А. Учитывая характер М. и В., являющихся лицами, ведущими асоциальный образ жизни, злоупотребляющими спиртными напитками, которыми их снабжал З., имущество потерпевших Е. и А. было повреждено, условия проживания в квартире значительно ухудшились. Находясь в таком положении Е. и А. согласились на заведомо не выгодные условия З. и подписали договор купли-продажи своих долей в квартире. Таким образом З. получил в свое единоличное владение всю квартиру, которой затем распорядился по своему усмотрению [1].

Способы совершения мошенничеств с недвижимостью на вторичном рынке более разнообразны и сложны как в реализации, так и в расследовании. В качестве жертв злоумышленники стараются подобрать доверчивых лиц, не обладающих знаниями о порядке и правилах заключения сделок с недвижимостью, одиноких, злоупотребляющих спиртными напитками, имеющих задолженность за коммунальные услуги. Для каждой категории потерпевших разрабатывается своя легенда, выбирается предлог — причина, по которой необходимо оформить тот или иной документ. Практически всегда оформлению документов предшествует длительная «обработка» потерпевшего. На протяжении некоторого времени преступники собирают информацию о его личности, создают условия для доверительных отношений со стороны потерпевшего, проявляя заботу либо приобретая спиртные напитки и продукты питания. После этого под предлогом оказания помощи в решении каких-либо проблем (погашение задолженности за коммунальные

услуги, обмен жилого помещения на другое, расположенное в более удобном для потерпевшего районе, помощь в оформлении права собственности, приватизации) предлагают свои услуги риелтора.

Затем потерпевшему может сообщаться заведомо ложная информация о передаче в пользу последнего денежных средств за продаваемый объект недвижимости либо другого объекта недвижимости после совершения сделки. После оформления перехода права собственности от потерпевшего на злоумышленника либо на подконтрольное последнему лицу потерпевший может быть переселен в арендованное на некоторое время жилое помещение либо в имеющуюся в распоряжении преступника другую недвижимость без наделения правом собственности, а просто с регистрацией потерпевшего по этому адресу.

В других случаях, например, когда у потерпевшего не использовано право на приватизацию и имеется в пользовании муниципальное жилое помещение, под предлогом помощи в приватизации одновременно с договором передачи недвижимости в собственность граждан злоумышленники могут представить для подписания договор купли-продажи или дарения этого жилого помещения в пользу преступника. В таком случае потерпевший также может не знать, что в отношении него совершено преступление.

В некоторых ситуациях преступники могут подделать ряд документов, дающих право на жилое помещение, а именно: договор купли-продажи или дарения, завешание, судебное решение, которые передаются в органы Росреестра для регистрации перехода права собственности.

Таким образом, можно констатировать, что существуют разнообразные способы незаконного завладения объектами недвижимости, каждый из которых определяет ряд других важных элементов криминалистической характеристики преступления, позволяющих более эффективно проводить расследование по уголовным делам.

Список источников

1. *Приговор* Верхнесалдинского районного суда Свердловской области по делу № 1-2/2023. URL: https://verhnesaldinsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=346017016&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 07.01.2024).

С. Г. Симонов, И. В. Лысенко

Институциональные аспекты исследования криминальной экономики (системный подход)

Системное исследование криминальной экономики в современных условиях для ее предотвращения (пресечения), профилактики и ограничения распространения приобретает особую актуальность. Данное обстоятельство определяется, прежде всего, масштабами ущерба, наносимого этим явлением хозяйственной деятельности российскому обществу (таблица).

Таблица. Динамика количества совершенных зарегистрированных деяний в сфере экономики и размер экономического ущерба [1]*

Год	Зарегистрировано экономических преступлений, ед.	Ущерб от экономических преступлений, млрд руб.
2017	105 087	177,5
2018	109 463	403,8
2019	104 927	477,2
2020	105 480	450,0
2021	117 707	641,9
2022 (09.09)	93 686	283,0
Итого	636 350	2433,4

Как видим, даже за такой ограниченный период времени только оцененный ущерб составил более 2 трлн 433 млрд руб.

Внимание к содержанию такого явления, как криминальная экономика, у российских исследователей (ученых и практиков) наблюдается примерно с начала 1990 гг. В то же время институциональные аспекты этого содержания остаются еще в стороне. В связи с этим даже в академической работе «Теневая экономика региона: диагностика и меры нейтрализации» отмечается, что «недостатком исследований теневой экономики в институционном направлении является чрезмерная ориентация на зарубежные методы и подходы к ее изучению» [2, с. 9]. Прошло почти 20 лет, но данное направление, действительно, российскими авторами недостаточно разработано. Поэтому хотелось бы обратить внимание на учебное пособие А. К. Бекряшева «Теневая экономика», в которой автор сделал попытку, используя институциональный подход, отделить теневую экономику от криминальной как «напрямую нарушающую закон». Важно отметить, что на этом он не останавлива-

* Итоговые суммы подсчитаны авторами.

ется и далее исследует структуру криминальной экономики и криминального экономического цикла, а также дает характеристику паттерна теневой экономики на микроуровне [3, с.10, 17–24].

В опубликованном двумя годами позже издании, авторами которого являются Ю. В. Латов и С. Н. Ковалев, институциональный подход к анализу криминальной экономики получил свое дальнейшее развитие [4, с. 260–265]. Используя метод единства исторического и логического, ученые проследили эволюцию институционализма, результатом чего явилось обоснование ими «расщепления» рассматриваемого методологического подхода на традиционно-институциональный и неинституциональный подходы к исследованию теневой и криминальной экономики. На наш взгляд, эта идея является весьма продуктивной и была частично реализована в одной из наших работ при выявлении основных течений современного институционализма и поведенческих предпосылок институционального анализа [5].

Разумеется, в настоящее время в экономической литературе имеется немало публикаций, посвященных методологии понимания теневой и криминальной экономики и базирующихся не только на институциональном подходе, но и на других. Вместе с тем, как свидетельствует контент-анализ научных трудов, применение здесь институционального подхода еще недостаточно отработано [6; 7].

Позиция авторов состоит в том, что необходимо рассматривать криминальную экономику с точки зрения наработок российских ученых в области институциональной экономики [8; 9; 10]. Соответственно, раскрытие этих аспектов позволит более детально определять не только состав криминальных деяний в области экономики, но и ограничивать, пресекать деятельность ее субъектов, проводить профилактическую работу.

Пожалуй, сегодня общий вектор исследования институций в рамках криминальной экономики можно представить как оценку приоритетов, ценностей, норм и правил, традиций ее субъектов, осуществляющих общественно опасные деяния в хозяйственной сфере жизни общества. Такая оценка предполагает междисциплинарную интеграцию методов исследования (экономических, социологических, правовых и др.) в отношении такого явления, как криминальная экономика. В этом ключе можно определить следующие направления исследований криминальной экономики.

1. Оценка моделей криминального поведения участников рынка, а также взаимодействующих с ним секторов нерыночного хозяйства (общественный сектор экономики, домашние хозяйства и др.):

— моделей потребительского поведения (ориентиры выбора товаров и услуг, достижение потребительского равновесия и др.);

— поведенческих моделей для деятельности фирм, предприятий, организаций, учреждений (оценка выбора ресурсов, направлений деятельности и др.);

— поведенческих моделей государственных органов в экономике (предоставление участникам рынка преференций, субсидий, займов и др.).

2. Исследование формирования и применения прав собственности:

— модели приватизации, реприватизации (в отношении выбора объектов, методов и др.);

— модели национализации в различных формах (конфискации, выкупа, инвестирования на различных условиях и др.).

3. Исследование криминальной экономики в рамках институционального подхода может быть реализовано в отношении такой области, как транзакции:

— модели оценки транзакционных издержек в криминальном бизнесе (заключение сделок, определение дискриминации при заключении контрактов и др.);

— оценка предпосылок и последствий криминальных транзакций для людей, государства, общества (в том числе и для природы).

4. Выявление причин, процессов, форм и методов создания и функционирования субъектов хозяйства:

— модели формирования частных форм организации бизнеса (без найма персонала, с наймом персонала);

— модели криминального фриланса (официально незанятого населения);

— модели криминальных корпораций (в том числе финансовых пирамид).

Перечисленные выше направления, конечно же, не охватывают комплексно феномен криминальной экономики, в то же время конкретизируют методы, области научного и практического поиска оптимальных средств уменьшения негативного влияния криминальной экономики на жизнь российского общества.

Список источников

1. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/121990/1/978-5-91256-577-9_2022_260 (дата обращения: 10.02.2024).
2. *Теневая экономика: диагностика и меры нейтрализации* / под ред. А. И. Татаркина, В. Ф. Яковлева. М., 2004.
3. *Бекряшев А. К.* Теневая экономика : учеб. пособие. Омск, 2004.
4. *Латов Ю. В., Ковалев С. Н.* Теневая экономика : учеб. пособие для вузов / под ред. В. Я. Кикотя и Г. М. Казиахмедова. М., 2006.
5. *Симонов С. Г., Лысенко И. В.* Экономическая теория: от ортодоксальной экономики до институционализма : учебник. Тюмень, 2017.
6. *Трунцевский Ю. В., Есаян А. К.* Теневая экономика и криминальный бизнес : монография. М., 2023.
7. *Саяпин А. В.* Теневая экономика : учеб. пособие. Тамбов, 2020.
8. *История экономических учений* / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой : учеб. пособие. М., 2000.
9. *Лысенко И. В.* Мезоэкономические последствия функционирования теневой и криминальной экономики // Проблемы устойчивого развития на макро-, мезо- и микроуровне : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. В. Ямова. Тюмень, 2018. Т. 1.
10. *Лысенко И. В., Лысенко М. В.* Влияние на региональный потребительский рынок деятельности иррегулярной экономики // Современные тренды российской экономики: вызовы времени — 2015 : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Л. Н. Руднева. Тюмень, 2016.

О. А. Ступина

Преднамеренное и фиктивное банкротство: проблемы расследования и пути решения

Становление государства неразрывно связано с развитием экономических отношений. Однако с развитием экономики растет и количество экономических преступлений. Экономические преступления можно охарактеризовать как сложные виды деятельности, осуществляемые в достаточных масштабах. Своей целью они ставят получение прибыли и сверхприбыли незаконным способом, а также получение власти [1, с. 9]. Преступность в сфере экономики начинает приобретать характер промысла, проникает в закон-

ные доходные виды предпринимательской деятельности. Преступный бизнес требует профессиональных навыков и компетентности.

Экономические преступления наносят весьма существенный урон государственным интересам. Преступниками движет прямой умысел и жажда наживы. Помимо экономического наносится и моральный урон общественным отношениям. Создаются предпосылки для формирования преступных групп, появляется недоверие к органам государственной власти, разрушаются моральные устои государства. В целом граждане и юридические лица, объявившие себя банкротами, а свою предпринимательскую деятельность несостоятельной, задолжали государству и банкам суммы, сопоставимые с неоднократным размером годового федерального бюджета. Ответственность за недополученные бюджетом средства ни на кого не возложена. От соблюдения финансовой дисциплины зависит будущее экономики.

Объектами экономических преступлений являются общественные отношения в кредитной сфере, общественные отношения в сфере свободной конкуренции, во внешнеэкономической деятельности, в сфере таможенного контроля, оборота драгметаллов и драгоценных камней. Большинство составов — формальные и признаются оконченными с момента совершения противоправных действий, что закреплено в УК РФ.

Обязательным признаком экономических преступлений является наступление общественно опасных последствий в виде крупного и особо крупного ущерба [2, с. 21].

Экономика и банкротство между собой взаимосвязаны, поскольку процессы банкротства оказывают значительное влияние на экономическую среду в целом. Банкротство — это сложный процесс, имеющий серьезные последствия для экономики. Правильное управление банкротством и его последствиями является важным аспектом обеспечения стабильности и устойчивости экономической системы.

Институт банкротства начал зарождаться в России еще в XI в. В то время банкротство рассматривалось как тяжкое преступление и наказывалось строгими мерами (об этом упоминается в Русской Правде). Однако с течением времени и развитием экономических отношений понимание и подход к банкротству изменились, в настоящее время процедура банкротства регулируется специальным законодательством и является частью финансовой системы государства. Понятие несостоятельности (или банкротства) впервые было закреплено в России в 1729 г. во Всероссийском уставе

о векселях. Этот документ был одним из первых законодательных актов, регулирующих финансовые отношения и вексельные операции в России. В нем были установлены правила обращения векселей, а также определены меры ответственности за неисполнение обязательств по векселям, включая признание должника банкротом. Этот акт стал важным шагом в формировании правовой базы для регулирования финансовых отношений и банкротства в России [3, с. 290].

В XIX в. понятие банкротства в России стало более детализированным, и были выделены различные виды банкротства, в зависимости от причин и обстоятельств. Так, к концу XVIII – началу XIX вв. уже существовали три основных вида банкротства.

1. *Банкротство от подлога (мошенничества)* — когда должник преднамеренно скрывал свое имущество или совершал махинации с целью уклониться от исполнения обязательств перед кредиторами.

2. *Банкротство от небрежности и пороков* — когда должник не мог выполнить свои финансовые обязательства из-за своей небрежности и мотовства.

3. *Банкротство от несчастья* — когда должник оказывался в трудной финансовой ситуации по независящим от него обстоятельствам.

События 1917 г. привели к серьезным изменениям в экономической и политической сферах страны. Последствия революции оказали существенное влияние на деятельность экономических институтов, включая санитарные экономические меры. В условиях политической нестабильности, национализации предприятий и перехода к плановой экономике эффективность санитарного экономического института могла быть снижена. Неплатежеспособные и нерентабельные предприятия могли продолжать свою деятельность за счет перераспределения денежных средств и поддержки со стороны государства или других прибыльных предприятий. Экономический хаос создал сложности для эффективной работы санитарного экономического института и привел к неопределенности в финансовой сфере. Национализация предприятий, отсутствие четкого рыночного механизма и централизованное управление экономикой могли затруднять процессы санации неплатежеспособных предприятий.

Таким образом, события 1917 г. оказали серьезное воздействие на экономические институты и механизмы Российской империи, включая санитар-

ные экономические меры, и способствовали возникновению новых вызовов и проблем в финансовой сфере [4, с. 85].

В Российской Федерации институт банкротства имеет законодательное закрепление и регулируется Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о несостоятельности (банкротстве)). Главный критерий для объявления должника банкротом — это его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам. Неоплатность, т. е. невозможность должника выполнить свои финансовые обязательства перед кредиторами, является ключевым признаком банкротства. В случае если должник не может платить долги, а его задолженность превышает стоимость его активов, он может быть признан несостоятельным и объявлен банкротом. Процедура банкротства предусматривает механизмы защиты интересов кредиторов, распределение имущества должника и ликвидацию его активов для погашения задолженности. Банкротство может проводиться как в рамках процедуры конкурсного производства (для юридических лиц), так и в форме процедуры финансового оздоровления (для физических лиц).

Таким образом, институт банкротства в России направлен на регулирование ситуаций, когда должник неспособен удовлетворить требования кредиторов из-за своей финансовой неустойчивости [5, с. 68].

Банкротство — это весьма полезный общественный институт, оказывающий помощь экономической сфере. Сущность банкротства действительно заключается в избавлении экономики от неэффективных или неплатежеспособных хозяйствующих субъектов. Банкротство представляет собой процесс, в ходе которого компания или физическое лицо объявляют о своей неспособности удовлетворить финансовые обязательства перед кредиторами. Этот процесс позволяет рационализировать и реорганизовать долги и активы таким образом, чтобы минимизировать убытки для всех заинтересованных сторон. Через банкротство экономика может избавиться от неэффективных или убыточных предприятий, тормозящих ее развитие. Этот процесс также может способствовать очищению рынка от неустойчивых участников и созданию условий для появления новых, более конкурентоспособных компаний. Важно помнить, что банкротство может быть использовано как инструмент для реструктуризации и восстановления финансовой устойчивости компании. Таким образом, банкротство может играть роль в процессе очищения экономики и способствовать ее дальнейшему развитию.

Ложное банкротство согласно классификации, данной ООН, стало одним из семнадцати транснациональных преступлений. Глобализация торговых отношений вывела это экономическое преступление на международный уровень. Обозначенный вид финансового мошенничества приобретает все большее распространение, а его формы постоянно совершенствуются. Реальный урон, связанный с данным преступлением, подсчитать довольно трудно. Особые меры эффективного противодействия пока не выработаны. К сожалению, ни одна страна не избежала пагубного влияния этого преступления на экономику [6, с. 200–201].

Повышение уровня правовых знаний, рост количества заявлений о признании банкротом предоставляют лазейку и для процедуры преднамеренного банкротства. Преднамеренное банкротство и фиктивное банкротство (ст. ст.196 и 197 УК РФ) являются объектами изучения настоящей статьи. Проблемы преднамеренного и фиктивного банкротства нашли отражение в трудах Д. А. Бажина, Е. В. Хомякова, А. Г. Ненайденко, А. Б. Ивановой, А. С. Ященко, Е. Н. Разыграевой, Р. А. Иксанова, В. А. Багаевой, О. В. Журкиной, М. А. Ефремовой, А. Г. Кудрявцева и др. Эти специалисты рассмотрели и охарактеризовали банкротство как экономическое и социально-правовое явление. Уже сам факт кодификации преднамеренного и фиктивного банкротства в УК РФ указывает на общественную опасность данного преступления.

На необходимость борьбы с означенными преступлениями указывал В. В. Путин: «...по мере роста экономики все большее значение приобретают правовые гарантии равенства конкуренции, защиты права собственности, свободы предпринимательства. Но между тем все более агрессивна практика незаконного бизнеса, фиктивных банкротств, рейдерство предприятий» [7]. В последнее время имеют место организации, которые не смогли приспособиться к конкуренции, к рыночным условиям, это не замедлило сказаться на их платежеспособности, несостоятельности и неспособности нести ответственность по принятым на себя обязательствам перед государством и контрагентами [8, с. 131].

Преднамеренное банкротство, согласно ст. 196 УК РФ, есть совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица, либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объ-

еме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Это выражается в создании новых юридических лиц и передаче в их уставной капитал активов предприятия, фиктивной передаче или неравноценной продаже имущества, выходе участников общества из состава учредителей с передачей им доли имущества организации, искусственно созданной кредиторской задолженности, получении кредитов под необоснованно завышенные проценты, а также совершении действий, влекущих ухудшение финансового состояния предприятия и приводящих к банкротству. Преднамеренное банкротство связано с умышленными действиями руководства или его собственников по созданию финансово неблагоприятной ситуации. Сюда же можно отнести «выгодные» сделки с аффилированными лицами, искажение бухгалтерских документов, подачу недостоверных сведений в налоговые органы, сокрытие имущества и т. д. Далее следует публичное объявление (в силу требований Закона о несостоятельности (банкротстве)) руководителя или учредителя юридического лица либо гражданина или индивидуального предпринимателя о своей несостоятельности.

Фиктивное банкротство — это заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином своей несостоятельности. Разница между фиктивным и преднамеренным банкротством состоит в том, что итогом последнего станет несостоятельность должника, а фиктивное банкротство — это публичное объявление себя банкротом в целях извлечения своей выгоды. Важно разграничивать ответственность по УК РФ (присутствие крупного ущерба) и административную ответственность по ст. 14.12 КоАП РФ. Крупный ущерб — это сумма, превышающая 2 250 000 рублей.

Уголовная ответственность может наступить только после официальной публикации. Сообщения о банкротстве как юридических лиц, так и физических лиц и индивидуальных предпринимателей публикуются в интернет-системе «Единый федеральный реестр сведений о банкротстве» [9, с. 172–174].

Анализируя банкротство, необходимо прибегнуть к комплексной финансовой характеристике. Используя ее выводы, можно узнать, по какой причине возникла задолженность предприятия, размер задолженности. Финансовый анализ проводит арбитражный управляющий, его результаты при-

общаются к делу. Полагаем, что одной фигуры арбитражного управляющего недостаточно. Необходимо закреплять бухгалтеров и аудиторов из независимой саморегулируемой организации. Нужен также анализ оборотных активов, заемных средств и пассивов, показатели обеспеченности обязательств должника по активам, коэффициенты абсолютной ликвидности, показатели отношения дебиторской задолженности к совокупным активам, нормы чистой прибыли, рентабельность активов — все эти документы должны анализировать аудиторы, профессионалы, чтобы всесторонне взвешивать риски и оценивать финансовую составляющую юридического лица [10, с. 131].

Арбитражный управляющий проверяет все сделки предприятия за предшествующие два года. Юридическое лицо считается неспособным обеспечить требования кредиторов и выполнить обязательства, если такие обязательства не выполнены в течение трех месяцев с момента их наступления. Второй, но немаловажный шаг — это очерчивание временных рамок для установления признаков наличия фиктивного банкротства. Нужно помнить, что выявить признаки фиктивного банкротства можно только после возбуждения дела о банкротстве в арбитражном суде.

Вся бухгалтерская отчетность и документация подлежат изъятию и изучению арбитражным управляющим. Собрания кредиторов должны проходить с использованием аудиофиксации, ведением протокола собрания. Учету и анализу подлежат хозяйственная деятельность, учредительные документы, заключенные договоры. Необходимо также учитывать, вносились ли изменения в учредительные документы, в частности, содержащие сведения о составе руководства организации. В случае необходимости по ходатайству арбитражного управляющего проводится судебная экспертиза. Делается это для установления факта наличия или отсутствия неправомерных действий со стороны руководства организации. Методика проведения основывается на постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».

Финансовая характеристика — самая главная в деятельности предприятия. Это показатель конкурентоспособности организации, ее стабильности и надежности. Но вместе с тем подчас сложно доказать именно намерения руководства «обанкротить» организацию, провести фиктивные сделки, избавиться от имущества, состоящего на балансе, отследить изменения в бухгалтерских документах, выявить подмену оригиналов подложными документа-

ми, справками, вычислить сделки, в результате которых приобреталось неликвидное имущество, прочие теневые сделки.

Все это труднодоказуемые действия. В этом и состоит опасность и латентность фиктивного и преднамеренного банкротств. Проблемы заключаются в большом количестве первичной документации, которая не всегда изучается досконально, не детализируются стандартные финансовые показатели, отсутствуют разработанные методики расследования этих преступлений, неоднозначны правовые оценки. Дополнительно можно указать на недостаточную изученность криминалистических характеристик преднамеренного банкротства, существование сложных, запутанных схем банкротства организаций.

По нашему мнению, для решения данной проблемы потребуются комплексные меры по взаимодействию экспертов в юриспруденции, налогообложении, аудите, бухгалтерии, экономике. Необходимо также регламентировать нормативные значения финансовых показателей в отраслевом разрезе; разработать единую методику оценки ликвидности имущества, повысить квалификацию арбитражных управляющих, привлечь к участию независимых аудиторов и бухгалтеров для всесторонней оценки бухгалтерской документации.

Список источников

1. *Босхолов С. С., Иванова А. Б.* Основные направления противодействия преднамеренному и фиктивному банкротству // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1.
2. *Коренная А. А.* Принцип экономии уголовно-правового воздействия как концептуальная основа формирования системы ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2020. № 4.
3. *Сперанская Ю. С.* Дореволюционное законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Нижегородской правовой академии. 2020. № 11.
4. *Вертьянова Е. В.* История и развитие института банкротства в России и за рубежом // IN SITU. 2023. № 1.
5. *Мальцева О. Т.* Причины банкротства предприятий в РФ // Молодой исследователь Дона. 2021. № 4.

6. *Аджиев Н. Б.* Особенности статей 196, 197 УК РФ: «Преднамеренное банкротство», «Фиктивное банкротство» // Государственная служба и кадры. 2021. № 2.

7. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcript/23915> (дата обращения: 09.01.2024).

8. *Ряховская А. Н.* Преднамеренное и фиктивное банкротство: некоторые алгоритмы решения проблемы // Экономическая теория. Анализ и практика. 2017. № 3.

9. *Лебедев М. А., Прокудина Р. О.* Некоторые проблемы правового регулирования преступлений в сфере банкротства // Закон и право. 2020. № 8.

10. *Матвеева Д. Д.* Анализ признаков банкротства по абсолютным данным бухгалтерской отчетности // Молодой ученый. 2019. № 65.

И. А. Черногор

Криминальные риски импортозамещения

Под импортозамещением следует понимать сокращение объема импорта для расширения отечественного производства товаров, производимых взамен импортных. Однако в действительности данное определение является достаточно узким и требует уточнений.

Импортозамещение — это замещение товаров, производимых внутри страны отечественными производителями, которые могут полностью или частично заменить импортные товары с похожими функциональными характеристиками, включающее изменение структуры не только импорта, но и экспорта, не противоречащее обеспечению в стране технологического суверенитета.

В мире можно выделить две глобальные волны импортозамещения.

Первая волна охватывает период с 1970-х гг. до 2008 г., в это время импортозамещение носило следующий характер:

— импортозамещение — это не способ сократить общий объем импорта, а способ измерить его состав;

— импортозамещение — это не способ сократить экспорт, а наоборот, эти две стратегии должны стать частью общей политики.

Вторая волна началась с 2008 г. и действует по настоящее время.

Именно в данные периоды происходит процесс возврата национальных производств, которые были вынесены ранее в развивающиеся страны, в собственные государства. В то же время происходит создание транснациональных корпораций, холдингов и иных крупных компаний, которые так или иначе приближены к высокопоставленным чиновникам, замыкающим сферу контроля и влияния на себе. Активизирован процесс деприватизации, который ускорился по причине того, что собственниками бизнеса выступают представители недружественных стран. Происходит сочетание экономических (тарифы, рост издержек), внешнеэкономических (геополитика, национальные интересы), криминальных (преступные схемы овладения национальным капиталом) схем рисков. Это в целом сопровождалось нарастанием в мировой экономике угроз экономической и продовольственной безопасности.

Импортозамещение в настоящее время трансформировалось: теперь это не мировая торговля конечными товарами, а реализация промежуточных составляющих (компонентов, полуфабрикатов, сырья).

Важным по-прежнему остается усложнение технологий, распространение защиты их от копирования, необходимость адаптации импортных технологий к использованию в отечественном производстве (обеспечение в стране технологического суверенитета).

Нами выделены пять типовых проблем экспортоориентированного импортозамещения, относящихся к нашей стране.

Первая проблема связана с низкой конкурентоспособностью между странами: производимое в рамках импортозамещения оборудование значительно уступает зарубежным аналогам по различным характеристикам.

Вторая проблема касается прямого копирования зарубежных подходов к политике импортозамещения: создаваемые подходы применяются без учета национальной специфики.

Третья проблема обусловлена компетентностным подходом к политике импортозамещения внутри каждой отрасли: дефицит технологических компетенций.

Четвертая проблема связана со специальным ограничением импорта: отсутствие необходимой политики.

Пятая проблема касается производства в стране экспортоориентированной продукции: необходимость обеспечения технологического суверенитета в стране.

Западные санкции, несомненно, направлены на подрыв экономики нашей страны, а это деструктивно воздействует на проведение в РФ экспортоориентированной политики. Нами просматривается взаимосвязь некоторых рисков и угроз импортозамещения с ухудшением отношений с рядом зарубежных стран за период с 2014 по 2023 гг., проявившемся в том числе во введении режима санкций и контрсанкций. Важно соблюдать баланс интересов участников данного процесса — тех, кто стоит за санкциями, тех, кто на них реагирует ответными мерами, и тех, кто противодействует криминальным проявлениям от этих взаимоотношений.

Учитывая изложенное, необходимо сосредоточить основные усилия на следующих направлениях деятельности:

- противодействие противоправным деяниям в стратегически важных отраслях экономики;

- обеспечение защиты бюджетных средств, выделяемых на реализацию государственных целевых программ и крупнейших инвестиционных проектов с государственным участием, на осуществление закупок для государственных и муниципальных нужд [1];

- противодействие преступлениям, совершаемым в финансово-кредитной и налоговой системе;

- выявление и пресечение фактов незаконного импорта и экспорта товаров;

- выявление и пресечение преступлений, совершаемых путем хищения бюджетных средств, выделенных в виде рантов и субсидий.

Все существующие после 2022 г. политические проблемы России предопределили выбор такой модели развития, где делается акцент на национальном рынке с инвестициями в инфраструктурные проекты, а также с привлечением человеческого капитала. Важно продолжить реализацию концепций, связанных с воссозданием технологической специализации и компетентности нашей страны, а также снижением криминальных рисков, возникающих в условиях действующего параллельного импорта. Указанные тенденции позволяют сделать вывод о том, что правоохранительным органам стоит перейти к институциональной модели экономической безопасности, активной борьбе с новыми криминальными вызовами и угрозами, возникшими по причине сложившихся ограничений и санкционного давления. Коррупция, во всех ее проявлениях, по-прежнему остается в центре криминализации импортозамещения, помимо нее мы также наблюдаем

рост киберпреступности, создание компаний по отмыванию средств, полученных преступным путем от импортных сделок, а также имитацию деятельности российских компаний, образованных для целей продажи импортозамещающей продукции, присвоение бюджетных средств, выделенных на гранты, и предупреждение и пресечение хищений и нецелевого использования государственных средств, направленных на реализацию национальных проектов (программ) по импортозамещению.

В условиях обострения международной обстановки и введения ограничительных мер в отношении Российской Федерации основные усилия органов внутренних дел должны сосредоточиться на повышении защищенности экономики страны.

Список источников

1. *О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года* : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. Б. Чернышев

Компьютерная программа как предмет преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ

В современных условиях продолжающегося геополитического давления со стороны западных стран экономическая безопасность России приобретает особое значение. Безналичные банковские расчеты выступают основным средством совершения финансовых операций, в связи с чем безопасность таких расчетов требует повышенного внимания и защиты, в том числе уголовно-правовыми средствами. Любые нарушения при осуществлении безналичных расчетов, помимо имущественного ущерба, влекут снижение уровня доверия граждан и бизнеса к банковской инфраструктуре, а также к компетентности государственных органов, их способности обеспечить нормальные деловые условия для ведения бизнеса [1, с. 90].

Общественные отношения, связанные с обеспечением безналичных денежных расчетов, охраняются различными уголовно-правовыми нормами, в том числе ст. ст. 272, 173¹, 173², а также ст. 187 УК РФ, которая и выступает предметом нашего внимания. Данное преступление посягает на общественные отношения в сфере обеспечения нормального оборота средств платежей — основного инструмента осуществления безналичных расчетов. Пе-

речень средств платежей является достаточно широким, мы остановимся на одном из них — компьютерных программах, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств.

Рассматривая содержание признаков указанного предмета, можно сделать вывод, что одним из видов компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств в контексте ст. 187 УК РФ, могут выступать так называемые вирусные программы, специально разработанные для совершения неправомерного доступа в денежные средства, размещенным на расчетном счете. Указанные компьютерные программы позволяют изменять процедуру списания денежных средств со счета, их маршрутизацию и совершать любые другие действия с денежными средствами, противоречащие установленному банком порядку [2, с. 193]. Ко второму виду компьютерных программ можно отнести легальные программы, разработанные для совершения законных операций с безналичными денежными средствами (мобильные банковские приложения, браузерное приложение «Клиент-банк» и т. д.).

Так, 16 января 2020 г. Беловским районным судом Кемеровской области по ст. 187 УК РФ осужден К. Судом было установлено, что подсудимый за денежное вознаграждение по просьбе неизвестного лица зарегистрировал на свое имя компанию. При этом никакого участия в деятельности организации К. принимать не планировал. Далее подсудимый, действуя по указанию неизвестного, открыл в нескольких банковских учреждениях расчетные счета, которые подключил к системе дистанционного банковского обслуживания «Клиент-банк» и получил специальную лицензированную компьютерную программу по установке средств защиты информации «КриптоПРО CSP», предназначенную для авторизации и обеспечения юридической значимости электронных документов при обмене ими между пользователями, посредством использования процедур формирования и проверки электронной подписи. Указанная программа позволяла осуществлять операции с денежными средствами, размещенными на расчетном счете организации. Данную программу К. в дальнейшем передал неизвестному, что повлекло получение третьими неуполномоченными лицами возможности осуществлять операции с безналичными денежными средствами в нарушение установленных законодательством о банковской деятельности правил [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенном примере компьютерная программа имела легальное происхождение, и действия подсудимо-

го были верно оценены судом как сбыт компьютерной программы, предназначенной для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств. Следует отметить, что указанная программа приобрела такое предназначение в момент ее получения подсудимым, а не при ее разработке.

Тем не менее для осуществления неправомерных операций с безналичными денежными средствами могут применяться в том числе вредоносные компьютерные программы, специально разработанные для совершения неправомерных действий в отношении безналичных денежных средств. В таком случае при их обороте может возникнуть ситуация конкуренции двух уголовно-правовых норм — ст. ст. 187 и 273 УК РФ. Авторы, рассматривающие указанную проблему, предлагают квалифицировать такие действия как совокупность данных преступлений. Мотивом для такой позиции служит то, что объект уголовно-правовой охраны ст. 187 УК РФ не охватывает общественные отношения в сфере компьютерной информации, которым, безусловно, также причиняется вред [4]. Отчасти соглашаясь с указанной позицией, тем не менее, полагаем, что диспозиция ст. 187 УК РФ охватывает лишь часть оборота вредоносных компьютерных программ, включающих их создание, перевозку, хранение и сбыт. При этом использование такой программы нормой не регулируется.

Таким образом, квалификация этих действий как единичного преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, либо как совокупности ст. 273 УК РФ должна зависеть от совершенного субъектом действия. Так, в случае совершения лицом комплекса действий, включающих и использование вредоносного программного обеспечения в качестве средства совершения преступления, и хотя бы одного из перечисленных в диспозиции ст. 187 УК РФ, такие действия следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 187 и 273 УК РФ. Также полагаем, что при квалификации действий, связанных с изготовлением или сбытом вредоносной компьютерной программы, предназначенной для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств, норма, установленная ст. 187 УК РФ, является специальной по отношению к ст. 273 УК РФ. На это указывает более строгая санкция (до шести лет лишения свободы по ст. 187 УК РФ в сравнении с четырьмя годами лишения свободы согласно санкции ст. 273 УК РФ). В связи с изложенным полагаем, что в случае если субъект только изготовил и сбыл вредоносную компьютерную программу, предназначенную для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода

денежных средств, его действия необходимо квалифицировать по ст. 187 УК РФ.

Список источников

1. *Чернышев Д. Б.* К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 3(49).
2. *Аксенова Л. Ю.* Установление данных о предмете и способе преступления по делам о неправомерном обороте средств платежей // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2.
3. URL: [//sudact.ru/regular/doc/D83QBWGE6d1j](https://sudact.ru/regular/doc/D83QBWGE6d1j) (дата обращения: 25.01.2024).
4. *Соловьева Е. А.* Преступления, совершаемые в платежных системах : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.

М. В. Шульга

Преступность в сфере экономики: лесопромышленный комплекс и экономическая безопасность

В Российской Федерации, в отличие от некоторых развитых стран, оценка древесины проводится исходя из ее рыночной ценности. Согласно исследованию, проведенному в США, для определения стоимости лесных ресурсов используется не только цена древесины в кубическом метре, но и стоимость тонны сокращений выбросов углекислого газа. В Европе этот показатель составляет более 200 долларов за тонну, в то время как в Бразилии — менее 20 долларов за тонну.

В последние годы общая площадь лесных земель составляет более 800 млн гектаров, а запасы древесины превышают 80 млрд кубометров. Эти огромные объемы лесных ресурсов ставят перед государством и его органами надзора и контроля сложные задачи [1].

Анализ данных Главного информационно-аналитического центра МВД России показывает, что количество преступлений в сфере незаконной рубки лесов и незаконной деятельности с древесиной увеличивается с каждым годом. Высокая степень латентности указанных преступлений, по оценке некоторых исследователей, достигает 95–99% [2, с. 85].

Говоря о работоспособности надзорных и контрольных органов, необходимо обратить внимание на важную деталь — кадровое, материально-техническое и информационно-технологическое обеспечение. Без наличия

необходимых ресурсов в каждом регионе нельзя говорить о реальной эффективности борьбы с преступлениями в данной сфере. В ряде регионов Российской Федерации принимаются меры по увеличению численности персонала и улучшению технической базы, включая использование специализированной техники и оборудования (лесопатрульная техника, беспилотники, камеры видео- и фотофиксации).

С 2016 г. на федеральном уровне действует Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней (ЛесЕГАИС) [3]. Она предоставляет возможность отслеживать все этапы операций с лесными ресурсами от момента вырубki до доставки конечному потребителю, включая продукты, произведенные из древесины. ЛесЕГАИС позволяет проследить происхождение древесины и исключить неучтенные объемы, что делает ее одним из инструментов в борьбе с незаконным оборотом лесных ресурсов. Однако даже с внедрением электронных сопроводительных документов нет гарантии, что система будет функционировать идеально. При недостаточном контроле со стороны государственных органов в сфере использования и охраны лесных ресурсов возникает риск, что преступники применят иные схемы совершения преступлений.

Один из методов заключается в сговоре преступников с должностными лицами в лесном хозяйстве, которые имеют полномочия принимать решения, включая законодательные. Эта коррупционная практика способствует расширению и укреплению криминальной сферы не только в отношении индивидуальных лиц, но и в создании преступных групп и сообществ, а также в укрытии древесины от официального учета. Должностные лица, вовлеченные в данные схемы, становятся не только соучастниками преступлений, но и совершают тем самым налоговые и экономические преступления.

Для эффективного выявления преступлений в сфере оборота древесины и лесопroduкции сотрудники ОБЭП должны ознакомиться с законодательством и другими нормативными актами, а также проанализировать информацию о социально-экономической и криминальной обстановке в регионе, где расположены предприятия и организации лесной промышленности. Деятельность оперативных подразделений в этой области можно условно разделить на три этапа.

Первый этап заключается в определении объектов и направлений оперативной работы: это включает анализ рынка лесопroduкции в целях выяв-

ления наиболее уязвимых мест, где чаще совершаются нарушения законодательства в этой сфере.

На втором этапе осуществляется выявление признаков преступления и идентификация лиц, которые его совершили, путем сбора первичных данных о них. Это включает анализ информации о движении транспорта на территории объекта, наблюдение за поведением работников, а также собирание данных о возможных нарушениях законодательства.

Для этого на объекте могут быть установлены системы видеонаблюдения, контрольные посты и проведены рейды и обыски. Эти мероприятия будут способствовать получению первичных данных о лицах, занимающихся незаконным оборотом древесины, их автомобилях и местах складирования незаконно добытой продукции.

На третьем этапе осуществляется организация оперативной проверки первичных данных, их накопление и использование. Для этого необходимо:

- 1) разработать список субъектов и объектов, присутствующих на территории обслуживания, и распределить их с учетом навыков персонала;
- 2) завести лицевое дело как для сектора обслуживания, так и для крупных объектов лесного комплекса;
- 3) определить принцип и режим оперативного обслуживания объектов, представляющих интерес;
- 4) изучить схему производственного цикла;
- 5) определить источники получения и состав оперативно значимой информации о текущей оперативной обстановке и фактах незаконной деятельности.

В качестве мероприятий по предотвращению развития теневой экономики в лесопромышленном секторе необходимо выделить следующие направления.

1. Ужесточение контроля за продажей и перевозкой древесины [4, с. 108]. Для более эффективного надзора за транспортировкой и реализацией древесины необходимо внедрить специализированные маркировки и системы отслеживания. Они помогут контролировать происхождение древесины и выявлять нелегальную деятельность. Существует множество систем маркировки, включая использование RFID-меток или нанесение специальных кодов на древесину.

2. Построение связей с лесопользователями. Для эффективного противодействия отмыванию доходов, полученных от незаконной реализации дре-

весины, важно активно сотрудничать с лесопользователями, предоставляя им информацию о правилах использования лесных ресурсов и о необходимости соблюдения экологических норм. Кроме того, следует поощрять лесопользователей, которые демонстрируют соблюдение этих правил и осуществляют деятельность с учетом экологических принципов.

3. Модернизация системы сертификации лесной продукции. В целях противодействия незаконному сбыту лесной продукции необходимо совершенствовать систему сертификации лесопродукции. Сертификация лесопродукции помогает подтвердить легальное происхождение древесины, что в свою очередь снижает вероятность легализации доходов, полученных от ее незаконной реализации.

Следует отметить, что внедрение новейших технологий и применение современных методов контроля, таких как спутниковые системы мониторинга и беспилотные летательные аппараты, способствует более эффективному выявлению контрабандистов и предотвращению незаконной вырубке леса. Сотрудничество с приграничными государствами позволяет разработать согласованные механизмы контроля и координации действий в борьбе с контрабандой леса.

Взаимодействие с правоохранительными органами и предоставление им всей необходимой информации о контрабанде леса дает возможность формировать более эффективные механизмы противодействия этому явлению. Осведомленность населения о данной проблеме способствует борьбе с контрабандой леса и создает атмосферу неприятия данного явления в обществе.

Список источников

1. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2024).
2. *Сумачев А. В.* К вопросу о целесообразности криминализации (декриминализации) экологических правонарушений // Криминалист. 2022. № 2(39).
3. *Лесной кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Куртынова Е. И.* Незаконная рубка леса // Молодой ученый. 2022. № 40(435).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабурин Василий Васильевич — профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; e-mail: vvbaburin@mail.ru

Бекетов Александр Олегович — судья Советского районного суда г. Омска, кандидат юридических наук

Бекетов Олег Иванович — профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор; e-mail: ol_beketov@mail.ru

Бекряшев Андрей Клавдиевич — доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат экономических наук, доцент; e-mail: klavdievitch@mail.ru

Высоцкая Наталия Владимировна — профессор кафедры экономической теории Академии труда и социальных отношений, доктор экономических наук, профессор (г. Москва); e-mail: vyssotsk@mail.ru

Гетман Илья Борисович — доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук; e-mail: getmanx@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна — научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, РАНХиГС (Омский филиал), кандидат юридических наук

Журавлева Наталья Михайловна — начальник кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Екатеринбург); e-mail: zhuravlevanm2016@yandex.ru

Карпычев Владимир Юрьевич — профессор кафедры компьютерной безопасности Нижегородского государственного технического университета имени Р. А. Алексеева, доктор технических наук, профессор

Ляхманов Дмитрий Александрович — заведующий кафедрой компьютерной безопасности Нижегородского государственного технического университета имени Р. А. Алексеева, кандидат технических наук, доцент

Лысенко Игорь Вячеславович — доцент кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, кандидат экономических наук, доцент; e-mail: lysenkoiv@tyuiu.ru

Майле Алексей Давидович — служащий земельного ведомства по вопросам иммиграции и беженцев Министерства внутренних дел федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, кандидат юридических наук (Россия), доктор права, магистр административных наук (ФРГ) (г. Бошtedт, Германия); e-mail: alex.majle@mail.ru

Николаев Константин Дмитриевич — заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: knik55@mail.ru

Першин Сергей Петрович — доцент кафедры тылового обеспечения и финансового контроля органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент; e-mail: PershinSP@mail.ru

Петров Александр Викторович — доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент; e-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Пушко Наталья Вячеславовна — доцент кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат экономических наук, доцент; e-mail: nataliepushko@yandex.ru

Речков Илья Евгеньевич — старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург); e-mail: ierechkov@mail.ru

Симонов Сергей Геннадьевич — профессор кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор; e-mail: simonovsg@tyuiu.ru

Стаурский Евгений Станиславович — доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент; e-mail: ses-qq@yandex.ru

Ступина Ольга Анатольевна — доцент кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук; e-mail: Language.66@mail.ru

Черногор Ирина Александровна — старший преподаватель кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат экономических наук; e-mail: ichernogor1986@mail.ru

Чернышев Дмитрий Борисович — старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Екатеринбург); e-mail: sledstvient404@mail.ru

Шульга Мария Викторовна — преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ (МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. 24 МАРТА 2023 г.)

Бабурин В. В. Состояние и динамика киберпреступлений, совершаемых в экономической сфере.....	3
Бекетов А. О., Бекетов О. И. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении индивидуального предпринимателя и самозанятого гражданина.....	7
Бекряшев А. К. Анализ деятельности Банка России по противодействию манипулированию рынком ценных бумаг.....	11
Гетман И. Б., Стаурский Е. С. Современное состояние противодействия преступлениям экономической направленности в сфере оборонно-промышленного комплекса.....	17
Журавлева И. А. Конституционализм как механизм защиты от преступлений в сфере экономики.....	24
Карпычев В. Ю. Экономическая преступность и информационные технологии: терминологический обзор.....	27
Майле А. Д. Миграция и ее влияние на преступность в сфере экономики ФРГ....	31
Николаев К. Д. Особенности освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.....	36
Петров А. В. Оппозиция перформативности экономического дискурса и онтологической глубины витальности экономики.....	38
Симонов С. Г., Лысенко И. В. Обеспечение правовой институциональной безопасности для экономики: аспекты, направления и уровни анализа.....	42
Пушко Н. В. Правовой статус антикризисного управляющего при совершении им уголовно наказуемых деяний.....	46
Чернышев Д. Б. Анализ документов бухгалтерского учета как метод выявления признаков финансовой пирамиды	49

РАЗДЕЛ II. ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ. 12 МАРТА 2024 г.)

Бабурин В. В. Проблема киберпреступлений против собственности в России и странах СНГ	54
Высоцкая Н. В. Платформенные бизнес-экосистемы: угрозы и возможности	59
Журавлева Н. М. Уголовно-процессуальные аспекты противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием IT-технологий, на стадии предварительного расследования	63
Карпычев В. Ю., Ляхманов Д. А. Использование искусственного интеллекта в социальной инженерии: новый способ мошенничества	67
Майле А. Д. Экономическая преступность в Германии в контексте иммиграции	72
Лысенко И. В. Сравнительная интерпретация оценки динамики экономической преступности	76
Першин С. П. Трансформация инструментов государственного финансового контроля под влиянием процессов информатизации в экономике	79
Петров А. В. Деприватизация в качестве инструмента обеспечения суверенитета как общественной витальной цели	83
Пушко Н. В. Диверсификация системы защиты прав работников при несостоятельности предприятия посредством формирования гарантийных фондов	86
Речков И. Е. О некоторых способах совершения неправомерного завладения недвижимым имуществом как элементе криминалистической характеристики преступления	88
Симонов С. Г., Лысенко И. В. Институциональные аспекты исследования криминальной экономики (системный подход)	93
Ступина О. А. Преднамеренное и фиктивное банкротство: проблемы расследования и пути решения	96
Черногор И. А. Криминальные риски импортозамещения	104
Чернышев Д. Б. Компьютерная программа как предмет преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ	107

Шульга М. В. Преступность в сфере экономики:	
лесопромышленный комплекс и экономическая безопасность	110
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	114

Электронное научное издание

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Редактор Е. А. Жукова

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

Пописано к использованию 19.08.2024.

Объем данных 2,0 Мб. 1 Электронный оптический диск (CD-ROM).

Тираж 10 экз. Заказ № 20 эл.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7